

М.С. Бобкова

История исторической мысли: люди и тексты

Аннотация: Автор обосновывает историю исторического знания как самостоятельное направление исторической науки. Анализирует отечественную традицию становления этого направления. Определяет ключевые проблемы изучения этого направления, его методологию и научный инструментарий.

Ключевые слова: история исторического знания, историческое сознание, историческое познание, история исторической науки.

Об авторе: Бобкова Марина Станиславовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН. Москва, 119334, Ленинский проспект, 32-А. bobkova_marina@list.ru.

Marina S. Bobkova

The History of Historical Thought: People and Texts

Abstract: The author postulates the history of historical knowledge as a self-standing branch of academic history. She analyzes the domestic tradition and formation of this trend, as well as provides key problems of the study of this trend, its methodology, and scholar apparatus.

Keywords: history of historical knowledge, historical thought, historical knowledge, historical consciousness, history of academic history.

About the author: Bobkova Marina Stanislavovna, Doctor of History, Chief Researcher, Head of the Center for the History of Historical Knowledge, Institute of World History, Russian Academy of Science. 119334, Moscow, Leninskiy prospect, 32-A. bobkova_marina@list.ru.

В связи с целым рядом новейших тенденций в современном гуманитарном знании и на фоне продолжающегося кризиса мировой исторической науки, связанного с лингвистическим поворотом, постмодернистским и неопозитивистским вызовом, сейчас

уделяется большее внимание дисциплинарной истории и шире – изучению исторического сознания разных эпох и стран. В восприятии отечественного исторического сообщества зарубежная историческая мысль довольно долго занимала далеко не лидирующее положение в сравнении с изучением наследия отечественных историков¹. Это вполне

¹ Изучение наследия отечественных историков имеет довольно давнюю и большую традицию как в деятельности РАН, так и в российских университетах, многие из которых сегодня стали своеобразными научными центрами историографических исследований. В развитии этого направления значительную роль сыграл Научный совет «История исторической науки» при Отделении исторических наук АН СССР, который был создан 1958 г. по инициативе В.П. Волгина, М.Н. Тихомирова и М.В. Нечкиной. Совет вел большую работу по организации и координации историографической деятельности. Главными направлениями деятельности Совета являлись разработка методологических и теоретических основ историографических исследований, анализ трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, истории советской исторической науки, историографии истории СССР, историографии дореволюционной России, а также таких проблем, как историография и современность, преподавание истории исторической науки в высшей школе. В 1959 г. в Институте истории АН СССР (Институт российской истории РАН) был создан Сектор истории исторической науки, который объединял как старые профессиональные кадры историографов, так и молодых исследователей. В Секторе осуществлялось издание «Очерков истории исторической науки в СССР» (Т. 1-5. М., 1955-1985) – первого обобщающего труда по отечественной историографии. В советской историографии впервые было предпринято издание, в котором развитие исторических знаний с древнейших времен до современности давалось на материалах русской и всеобщей истории, археологии, этнографии, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин. Хронологический принцип изложения материала обеспечивал возможность представить картину исторических знаний в их эволюции. Историографический ежегодник «История и историки», основанный М.В. Нечкиной в 1965 г., является в своем роде уникальным изданием, в котором разрабатываются проблемы историографии как отечественной, так и всеобщей истории. Его статьи охватывают период от Древней Руси до начала XXI в. Ежегодник содержит документальные публикации, рецензии на работы современных исследователей. Издание дает историкам новые материалы для углубленного изучения развития отечественной исторической науки XX века, для всестороннего освещения

объяснимо общей идеологизированностью исторической науки, которая если и обращалась к зарубежной историографии, то чаще делала это с позиций «критики буржуазных историков».

В современной российской исторической науке изучение истории исторической мысли зарубежных стран в сравнении с изучением их политической, социально-экономической истории или истории культуры, по-прежнему находится на обочине исследовательских практик. Это вполне объяснимо предметом ее исследований, разумеется, не являющимся базисным в структуре социума, но, тем не менее, имеющим существенное влияние на его развитие, поскольку так или иначе отношение личности, общества к прошлому определяет «картину мира». Большинство категорий, которые используются при изучении истории исторического знания (историческое сознание, время, развитие и пр.), носят междисциплинарный характер. Может быть поэтому изучение исторического сознания чаще является занятием философов, размышляющих о его проблемах, а не собственно историков, делающих свои выводы на основе исторических источников. Тем не менее, мы постараемся кратко представить историографическую ситуацию по изучению этого направления истории для того, чтобы хотя бы в общем виде обозначить те исследовательские традиции, на которых основывается идеология семинара «Люди и тексты».

Прежде всего, отметим, что в западной и отечественной исследовательских традициях эта тема возникла довольно рано, является постоянно востребованной и рассматривается в самых различных аспектах². В во второй

творческого пути видных русских и советских ученых (Электронный ресурс. Режим доступа <http://iriran.ru/?q=historyand> свободный).

² English Historical Writing and Thought, 1580–1640. London, 1962; *Certeau M., de. The Writing of History.* New York, 1988; *Chartier R. Cultural History. Between Practices and Representations.* Oxford, 1988; *Burke P. The Renaissance Sense of the Past.* New York, 1969; *Breysig K. Kulturgeschichte der Neuzeit.* Berlin, 1900; *Barber B. Science and the Social Order.* New York, 1952; *Barnes B. Scientific Knowledge and Sociological Theory.* London; Boston, 1974; *Approaches to History* / Ed.

половине 80-х – начале 90-х гг. XX в. в России было издано несколько книг по истории исторического знания зарубежных стран, которые свидетельствовали о формировании нового системного подхода в изучении этого направления. Прежде всего, назовем работу М.А. Барга «Эпохи и идеи. Становление историзма». Уникальность этого труда в мировой научной практике определяется двумя факторами. Первый из них состоит в особенностях проведенного анализа исторического сознания как единого феномена в рамках географического пространства Западной

H.P.R. Finberg. Toronto, 1962; *Kelly W.* Philosophy and Historical Understanding. Cambridge, 1964; *Gilbert N.W.* Renaissance Concepts of Method. New York, 1960; *Simiand F.* Recherches anciennes et nouvelles sur le mouvement general des prix du XVI a XIX siecle. Paris, 1932; *White M.* Foundations of Historical Knowledge. New York; London, 1965; *Woolf D.* A High Road to the Archives? Rewriting the History of Early Modern English Historical Culture // *Storia della Storiografia*. 1997. № 32; *Woolf D.* The Social Circulation of the Past: English Historical Culture, 1500–1730. Oxford, 2003; *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М., 2000; *Артог Ф.* Время и история // *Анналы на рубеже веков: антология*. М., 2002. С. 147–168; *Цель истории – история* / отв. ред. *Н.И. Басовская*. М., 2002; *Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм эпохи Возрождения / *Идеалы и практика культуры*. М., 2002; *Визгин В.П.* Герметизм, эксперимент, чудо: три аспекта генезиса науки Нового времени // *Философско-религиозные истоки науки*. М., 1997. С. 88–141; *Гулыга А. В.* Гердер. М., 1975; *Девятайкина Н.И.* Латинский нарратив трактата Петрарки: источники, способы организации текста, авторское «я» // *Петрарка Фр.* Диалоги на гендерные и эстетические темы (Трактат «О средствах против превратностей судьбы». Кн. 1). Саратов, 2008; *Дрей У.* Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // *Философия и методология истории* / отв. ред. *И.С. Кон*. М., 1977. С. 37–71; *Намазова А.С.* Новые подходы в изучении истории XIX в // *История: электронный научно-образовательный журнал*. 2010. Вып.1: Историческая наука в современной России [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей: URL:

http://mes.igh.ru/magazine/content/new_approaches_in_studing_history_xix_century.html (дата обращения 06.10.2010); *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996; *Рикёр П.* Память, история, забвение. М., 2004; *Уколова В.И.* Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989; *Хобсбаум Э.* От социальной истории к истории общества // *Философия и методология истории: Сб. переводов* / отв. ред. *И.С. Кон*. М., 1977 и др.

Европы с V по XVIII вв. Второй фактор свидетельствует о том, что М.А. Барг рассмотрел развитие исторической мысли Античности, Средних веков и Нового времени с позиций философии истории и в контексте культуры этих эпох³. В данной монографии была поставлена проблема изучения историзма самого исторического знания и способов, с помощью которых оно формировало и истолковывало содержание истории, – способов идеологических, логических, риторических. Книга «Эпохи и идеи» была превосходным новаторским трудом для своего времени, причем подходы, которые применял М.А. Барг, отличались такой новизной и неординарностью, что он, по-видимому, всерьез волновался за судьбу этого исследования. В качестве рецензентов обычно выступают один-два ученых, книгу М.А. Барга рецензировали трое ведущих историков того времени, имевших бесспорный авторитет и большое влияние в научных и политических кругах – академик АН СССР М.В. Нечкина (умерла в 1985 г. и не увидела уже опубликованный труд), член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, доктор исторических наук В.А. Дунаевский.

В первой трети XX в. появилось несколько исследований, рассматривающих различные аспекты историописания от Возрождения до эпохи Просвещения. Большинство из их авторов сосредоточивали свое внимание на национальных историографических традициях и школах⁴. Наиболее важными работами этого времени являются сочинения Анри Озе, в которых определяется понятие *l'age moderne* по отношению к периоду XV – XVII вв. и дается характеристика общей интеллектуальной ситуации, в которой и происходит рождение новой познавательной парадигмы в оценке прошлого.

Начиная с середины XX в. интерес к проблемам исторического познания приводит к появлению целого ряда монографических исследований, которые позволяют говорить о формировании отдельного направления в

³ Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.

⁴ [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.royalhistoricalsociety.org/moderncataloguec20.pdf> свободный. (дата обращения 06.10.2010).

исторической науке – изучения исторического сознания стран Западной Европы. Классические работы, появившиеся в этот период, принадлежат английским исследователям – известному специалисту по истории и культуре Ренессанса Уильяму К. Фергюсону и одному из крупнейших английских историков XX в. сэру Герберту Баттерфилду⁵. У.-К. Фергюсон, изучая культуру Ренессанса в контексте исторической мысли XIII – XVIII вв., первым среди историков своего времени поставил вопрос о причинах мощного взрыва интереса к прошлому в Западной Европе XV – XVI вв. Наряду с этим он отметил, что Франция была первой страной, где появилась собственно история в лице французских хронистов от Виллардуэна до Филиппа де Коммина, написавшего историю на французском языке. По мнению Фергюсона, в XIII – XV вв. Англия не имела светских национальных историков, в Италии они появились не раньше XV в. Во Франции же была сформулирована ранняя прочная традиция историописания, значительный вклад в развитие которой внесли Ж. Фруассар, показавший отличия истории от хроник, и Ф. де Коммин, открывший политическую историю и придавший ей оценочный характер⁶. Отметим, что эти положения Фергюсона уже неоднократно и небезосновательно оспаривались. В его работе дана развернутая характеристика влияния античной культуры на оценку истории в XV – XVI вв., а также развития искусства истории в системе *studia humanitatis*. В 1979 г. выходит работа Поля Оскара Кристеллера, которая продолжает исследование исторических источников в гуманистической мысли. Отметим, что эти две работы, безусловно, входят в длинный историографический список общих работ по истории Возрождения, который для нас не имеет первостепенного

⁵ *Butterfield H.* The Present State of Historical Scholarship, Inaugural Lecture, University of Cambridge. Cambridge, 1965; *Idem.* The Origins of History. London, 1981; *Idem.* Man on his Past. The Study of the History of Historical Scholarship. Cambridge, 1955; *Idem.* The Englishman and his History. Cambridge, 1944 (2nd ed. – 1970).

⁶ *Ferguson W.K.* The Renaissance in Historical Thought. Boston, 1948. P. 142, 150.

значения. Тем не менее, мы отметили их в связи с рассмотрением отношения человека и общества переходной эпохи к своему прошлому в контексте ренессансной культуры.

Основным направлением интересов Герберта Баттерфилда были не только историография и история науки, но и конституционная история XVIII века; христианство и история; теория международной политики. В книге, посвященной истокам современной науки (1300–1800 гг.)⁷, он рассматривает развитие истории в этот период на основе «теории толчка», объясняющей возникновение и реализацию исторической необходимости. Будучи протестантом, Баттерфилд не верил, что историк может обнаружить десницу Божию в истории.

Известность Баттерфилду как историку принесла книга «Вигская интерпретация истории»⁸. Баттерфилд в своей критике имел в виду не только историков-современников. Его критика построения линии прогресса от варварского прошлого к прекрасному настоящему может быть применена к более общим примерам. «Вигской интерпретацией истории», или историей, написанной победителями, Баттерфилд называет также и исторические труды эпохи Просвещения, для которых в полной мере характерен исторический позитивизм.

Позитивистские историки рассматривали мыслителей прошлого, исходя из критериев современного знания. Все, что соответствовало новой концепции, восхвалялось, а все, что ей хоть сколько-нибудь противоречило, отвергалось как суеверие и слепая догма. Идеи, которые совпадали с их рационалистическими взглядами, они описывали как храбрые, смелые и творческие, независимо от того, было ли оправданным придерживаться такой позиции в данный исторический период. И напротив, идеи, которые современная наука не одобряла, рассматривались как опасные, конформистские и неистинные, не учитывая того, была ли разумна такая

⁷ *Butterfield H. The Origins of Modern Science 1300 – 1800. London, 1957.*

⁸ *Butterfield H. The Whig Interpretation of History. London, 1951.*

позиция в свете тогдашнего знания. Научная революция, по мнению Баттерфилда, «... опрокинула авторитет в науке не только Средних веков, но и Древнего мира, ... так как она имела своей целью не только устранение схоластической философии, но и разрушение аристотелевской физики, она затмила все, что связано с возникновением христианства и свела Возрождение и Реформацию к рангу простых эпизодов, простых внутренних сдвигов внутри системы средневекового христианства».

По мнению Баттерфилда, «вигская» история искажает прошлое и должна быть пересмотрена. Оценка знания прошлого в контексте знания современности является искаженным восприятием действительности. Историк должен погрузиться в контекст истории, постараться оценить прошлое через призму интеллектуального климата той эпохи, которую он изучает. Только при этом условии, по мнению Баттерфилда, возможна объективная оценка исторических событий прошлого.

Работы одного из ведущих современных американских историков Дональда Р. Келли⁹, посвящены рассмотрению основ современного исторического знания на основе исторических источников итальянского и французского Возрождения. Келли проанализировал историзм итальянских гуманистов, их вклад в работу над историческим источником на основе филологической критики и в развитие практик перевода античных авторов. Особенное внимание исследователь уделил рассмотрению развития правовых теорий и их взаимосвязям с историей, исторической школе французских правоведов, а также деятельности Жака дю Тилле по привлечению архивных документов при создании исторических текстов. Особенно важным, на наш взгляд, является высказанное Д. Келли предположение о том, что чувство истории в основном было продуктом итальянского гуманизма, а вот специфические формы и толкование историческое знание приобрело только

⁹ Kelley D. R. *Foundation of Modern Historical Scholarship: Language, Law and History in French Renaissance*. New York; London, 1970; *Idem*. *Faces of History: Historical Inquiry from Herodotus to Herder*. New Haven, 1998.

благодаря тем потрясениям, которые принесли Реформация и гражданские войны в странах Западной Европы в XVI – XVII вв. Справедливости ради, нужно отметить, что первым это предположение высказал и обосновал в ряде своих работ профессор Чикагского университета Джордж Хапперт. Выход в свет его книги, посвященной формированию метода истории, стал значительным событием в изучении истории исторического сознания ренессансной Франции¹⁰. Вообще, научные интересы этих двух выдающихся историков довольно часто пересекались, и научный диалог (не всегда в буквальном смысле) на страницах *Journal of the History of Ideas* неоднократно давал блестящие результаты.

Хапперт в своей книге проанализировал основные интеллектуальные течения во Франции XVI века и, исходя из этого, выявил причины столь мощного прорыва, произошедшего в это время в осмыслении истории. Он показал, что возникновению «совершенной истории» предшествовал период расширения границ знания, активного введения в оборот античного наследия благодаря большой работе переводчиков и комментаторов. Здесь, предостерегает Хапперт, нельзя забывать о том, что античное наследие включало в себя такую важнейшую составляющую, как естественнонаучное знание. В то время в обществе еще не были сформированы условия для рождения гениев в какой-то одной области знания. Развитие познавательной сферы шло в горизонтальной плоскости – приобретение и накопление знаний и гуманитарной, и естественнонаучной направленности. Поэтому энциклопедизм был присущ практически каждому человеку, получившему университетское образование. Правовед, к примеру, безусловно, имел хорошую филологическую подготовку, владел философией, логикой, риторикой, математикой.

Также следует упомянуть о работе Ф. Мейнеке, посвященной истории возникновения историзма. Здесь автор уделяет некоторое внимание «Истории» Гиббона, вписывая этот материал в контекст понимания истории в английском

¹⁰ *Huppert J. The Idea of Perfect History (Historical Erudition and Historical Philosophy in Renaissance France). Urbana; L., 1970.*

Просвещении. По мнению Ф. Мейнеке, английская историография середины и второй половины XVIII в. по большей части опиралась на Локка, «обосновывавшего сенсуалистское и эмпирическое Просвещение»¹¹.

Отдельную историографическую линию представляют собой работы, посвященные изучению метода познания новоевропейского общества. Среди них наиболее важными для изучения западноевропейского исторического знания являются монографии Нила Джильберта¹² и Филиппа Десана¹³.

По отдельным хронологическим периодам обобщающих трудов по изучению истории исторического сознания немногим больше. Относительно истории исторического знания Древнего мира можно отметить, что базовой исследовательской проблемой является зарождение исторической мысли.

Поискам ответа на вопрос – где родилась история, и рассмотрению античной традиции историописания была посвящена не одна дискуссия, начиная с работ патриарха немецкой классической филологии У. фон Виламовиц-Меллендорфа. Среди многочисленных трудов, посвященных этому сюжету, мы обратим внимание, прежде всего, на труды Ф. Якоби, А. Момильяно, А.Дж. Вудмана, И.С. Моксона, Дж.Д. Смарта¹⁴. На протяжении почти всего XX в. господствовала модель Ф. Якоби. Он выделил пять субжанров античной историографии на основе хронологического принципа: 1) генеалогия / мифография; 2) этнография; 3) история времени; 4) хронография; 5) хорография (местная история). Главное отличие схемы

¹¹ Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Пер. с нем. М., 2004. С. 153.

¹² *Jilbert N.W. Renaissance Concepts of the Method.* N. Y., 1960.

¹³ *Desan Ph. Naissance de la méthode (Machiavel, La Ramée, Bodin, Montaigne, Descartes).* P., 1987.

¹⁴ *Jacoby F. Über die Entwicklung der griechischen Historiographie und den Plan einer neuen Sammlung der griechischen Historikerfragmente // Klio.* 1909. Bd 9. S. 80–123. *Momigliano A. The Classical Foundation of Modern Historiography.* Berkeley, 1990; *Woodman A.J., Moxon I.S., Smart J.D. Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing.* Cambridge, 1986. *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D. / Ed. G. Marasco.* Leiden, 2003.

Якоби: местная история появляется последней, как реакция на сочинения Геродота. Для Якоби и его последователей, т.е. для большинства антиковедов XX в., развитие греческой историографии в значительной мере было связано с личным развитием Геродота от этнографа к историку. Эта модель была недавно подвергнута существенной критике (К. Джойс)¹⁵. Действительно, годы жизни и деятельности многих греческих историков сомнительны; к тому же путь к «совершенной» историографии, предложенный Якоби, столь же сомнителен, сколь и античная схема Дионисия Галикарнасского. За 800 лет от Геродота до Евнапия более тысячи античных авторов, о которых мы знаем, написали исторические труды. Якоби считал, что никакие жанры или авторы не должны быть в привилегированном положении; нужно рассматривать всю совокупность исторических сочинений.

В последние десятилетия оформились два подхода к зарождению античной историографии. Сторонники первого, традиционного, «исторического» подхода продолжают рассматривать античных историков как предшественников современных ученых-историков, заложивших основы метода исследования прошлого. Однако адепты другого, «риторического» подхода считают античных авторов прежде всего писателями, озабоченными литературными («риторическими») достоинствами своих сочинений в гораздо большей степени, нежели поиском исторической истины. Момильяно, признавая новизну и обоснованность некоторых выводов ученых – сторонников «риторического» подхода к античной историографии, все же склоняется к более традиционному, состоящему в том, что современная историческая наука не возникла «из ничего», и некоторые методы и подходы античных авторов мало отличаются от методов и подходов современных историков. Есть еще один очень важный момент, который свойственен как древним, так и современным историкам: субъективное (личное) побуждение к исследованию. Античная модель развития

¹⁵ См., например: Joyce C. Was Hellanikos the First Chronicler in Athens? // *History*. 1999. № 3.

древнегреческой историографии была отвергнута по многим причинам, но не в последнюю очередь из-за очевидного телеологического подхода¹⁶.

В отечественной историографии следует отметить книгу А.И. Немировского «Рождение Клио: у истоков исторической мысли»¹⁷, которая хотя и носит довольно популярный характер, тем не менее, до сих пор остается единственным примером целостного рассмотрения античной традиции историописания. В книге исследованы проблемы возникновения античной историографии и процесс ее развития в закономерных связях с другими литературными и научными формами, в ее обусловленности социальными отношениями и политической борьбой. На основе анализа трудов Гекатея Милетского, Геродота, Фукидида, Аристотеля, Полибия, Саллюстия, Ливия, Тацита, Аммиана Марцеллина делается попытка выявления особенностей и теоретических аспектов античной исторической мысли. А. И. Немировский считал, что родиной исторической науки является именно Древняя Греция. Поводом для написания его монографии являлась довольно напряженная дискуссия о месте зарождения исторической науки. В западной историографии в сер. XX в. было распространено утверждение о том, что историческая наука возникла на Древнем Востоке, чему в немалой степени способствовали популярные в нач. XX в. идеи О. Шпенглера, одного из основоположников философии циклизма. Отказавшись от идеи эволюционного развития, Шпенглер рассматривал историю как ряд автономных циклов, культур. Каждая культура, по его мнению, развивается самостоятельно, но, благодаря морфологии культур, можно вскрыть некоторые аналогии и сходства между ними. Характеризуя античную цивилизацию, Шпенглер утверждал, что греки были самым аисторичным народом, и их мысль была геометрической, визуальной. Эту идею подхватили и развили те исследователи, которые, сравнивая греческую историческую

¹⁶ *Toye D.L.* Dionysius of Halicarnassus on the First Greek Historians // *The American Journal of Philology*. 1995. Vol. 116. P. 279–302.

¹⁷ *Немировский А.И.* Рождение Клио: У истоков исторической мысли. 2-е изд. Воронеж, 1986.

мысль с ближневосточной и, в частности, с ветхозаветной, отдавали предпочтение последней.

Так, нидерландский философ и историк Г. Боман в своей книге «Еврейское мышление в связи с греческим»¹⁸ считал, что грекам не присущ историзм, и даже Фукидид, по его мнению, был далек от него, ибо история понималась им как вечное повторение одних и тех же событий и явлений. Статичности и цикличности греческой мысли Боман противопоставлял поступательный библейский динамизм. Поэтому он считал, что большинство ветхозаветных книг исторично, так как история понимается Библией как движение. Там, где в античности Боман встречал элементы динамики, он приписывал это заимствованию с Востока. Так он объясняет появление у греков гераклидовой диалектики. Об отсутствии в античной историографии историзма говорит и немецкий историк Хр. Мейер¹⁹. Согласно английскому историку Р. Дж. Коллингвуду²⁰, «греки были совершенно уверены в том, что объектом подлинного знания может быть только неизменное, ибо оно должно иметь определенный только ему присущий характер и не носить в себе семена своего разрушения. История же – наука о человеческих действиях: историк изучает поступки, совершенные людьми в прошлом. Но они принадлежат к меняющемуся миру, где вещи возникают и прекращают свое существование. Такие вещи с точки зрения греческой философской мысли должны быть непознаваемы, но тем самым история становилась невозможной». Поэтому автор заключает, что «у греков история не была объектом научного познания. Она была лишь предметом восприятия».

К завершающему этапу развития древневосточной литературы принадлежит Библия. В силу своего сравнительно позднего происхождения Библия объединила все, что дали народы Древнего Востока в области

¹⁸ Boman G. Das hebraische Denken im Vergleich mit den Griechischen. Göttingen, 1959.

¹⁹ Meier Chr. Geschichte // Geschichtliche Greindbegriffe. Stuttgart, 1975. Bd. 2. S. 603.

²⁰ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 22—23.

осмысления истории, и уже в силу этого продвинула историописание на более высокую ступень. Кроме того, разрушение самостоятельности древнееврейских царств, ассирийское и вавилонское пленения были восприняты древнееврейскими писателями и жрецами как драма всего человечества, требующая не простого пересказа в духе старинных хроник, но религиозно-философского и исторического осмысления²¹.

А.И. Немировский отмечает, что к VI в. до н. э. возникли два противоположных понимания истории: одно – ветхозаветное, библейское, основанное на сугубо религиозном мышлении, на религиозно-философском восприятии исторического прошлого и настоящего и на линейном понимании исторического времени, другое – древнегреческое, основанное на светском характере мышления, рационалистически философском объяснении прошлого и настоящего и соответствующем этому объяснению циклическом понимании исторического времени.

Вместе с тем, было бы неправильно считать, что Древний Восток не оказал влияния на формирование древнегреческой историографии. Свидетельства Геродота, Платона, Страбона, Диодора указывают на непосредственное влияние древневосточной культуры на греческую. Однако не влияние и заимствование обусловили возникновение исторической науки в древней Греции. Она явилась результатом сложных процессов этнокультурного и исторического развития греческого народа, самих греческих полисов. Ко времени появления ветхозаветных исторических книг у эллинов имело место этико-художественное восприятие мира у Гомера и рационалистически-религиозное и философское его понимание у Гесиода; сложилась традиция индивидуализированного творческого отношения к прошлой и современной действительности, что нашло свое

²¹ Интересная характеристика историзма ветхозаветных книг Библии в контексте ближневосточного историописания дана в монографии советского историка И.П. Вейнберга (с 1993 г. проживает в Израиле): *Вейнберг И.П.* Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тыс. до н. э. М., 1993. – 352 С.

отражение в циклической поэзии и раннегреческой лирике; в материалистическом и натурфилософском объяснении космоса (т. е. природы и общества) ионийскими философами. Результатом этого и явилось у эллинов циклическое восприятие исторического процесса и историзма и нелинейное понимание исторического времени.

В труде И.П. Вейнберга²², ставшим уже классикой, на материалах позднеегипетских, новоассирийских, нововавилонских, среднеперсидских и ветхозаветных источников раскрываются особенности древневосточной исторической мысли, показаны ее становление и ранний период развития. Не будем подробно останавливаться на анализе прекрасно выполненного конкретно-исторического исследования Вейнберга, потому что мы склонны рассматривать этот труд как крупнейшее теоретическое сочинение, определяющее суть изучения истории исторической мысли вообще. Автором была создана своеобразная матрица исследования исторических текстов, крайне актуальная сегодня, в связи с тем, что она определяет проблемный подход в этом направлении исторической науки, абсолютно не имеющем никаких перспектив в развитии, если по-прежнему центром его внимания будут оставаться отдельные ученые и историографические школы. Примером тому служат скучные безликие учебники, выхолащивающие хоть какой-то интерес к живой материи истории, представляющие собой бессмысленный набор очень объемной информации, который студент должен выучить к экзамену. Такая трактовка изучения истории исторической науки у всякого нормального человека ничего не может вызвать, кроме страха и отторжения.

В чем состоит значимость работы, выполненной крупнейшим историком-востоковедом? Принципиально важным, по мнению Вейнберга, является уточнение категориального аппарата, терминологическая ясность и четкость. Историописание, здесь И.П. Вейнберг солидарен с М.А. Баргом, – «это процесс наделения значением (или,

²² Вейнберг И.П. Указ. соч.

наоборот, отрицания значения) явлений действительности»²³. Развивая этот посыл, автор монографии определяет источники, на которых сосредотачивается интерес в изучении историописания. «Это тексты, общим признаком для которых является то, что их основная коммуникативная функция – фиксация, осмысление и оценка событий и явлений прошлого»²⁴. Главным критерием отбора «текста» для изучения исторической мысли служат его сосредоточенность на информации о прошлом, объем и значение этой информации в данном «тексте». Изучение исторических текстов должно охватывать их форму и содержание, создание, функционирование, их комплексное рассмотрение с учетом особенностей локальных историописаний в диахронно-синхронистической взаимосвязанности. Важнейшим исследовательским приемом в изучении истории исторического знания, по мнению автора, является системный подход, признающий восприятие прошлого человеком как структуру или подсистему той многосложной системы, какую являет собой общество²⁵.

Историческая мысль разных эпох, исторические сочинения и их авторы отличаются друг от друга, по мнению И.П. Вейнберга, не только набором описываемых явлений и событий прошлого, которые привлекают их внимание, но и спецификой восприятия и осмысления этих событий и явлений. Очевидны и различия в выборе источников для описания этого прошлого и в методике их использования. Другой важной проблемой, которая должна находиться в поле зрения современного исследователя, является историческая традиция. При этом, по мнению Вейнберга, следует учитывать, что само возникновение отношения к исторической традиции включает не только осознание факта ее существования, но также понимание необходимости производить при подходе к ней какой-то выбор и проверку²⁶ (селективно-критическое отношение к источникам: умолчание и модификация).

²³ Там же, С. 11.

²⁴ Там же, С. 15.

²⁵ Там же, С. 9.

²⁶ Там же, С. 56.

Интерес к истории средневекового историописания стал совершенно очевиден в странах Западной Европы уже на рубеже XIX – XX вв. Его важность и назначение уже в 1872 г. хорошо понимал Г. Моно: «...критик вынужден жить с историками, труды которых анализирует; он пытается постичь их повседневную жизнь, их стиль работы, скрытые пружины, руководящие их помыслами, причины, порождающие их слова. Он присутствует при сочинении их трудов, видит рукописи, разложенные на их столе, источники, к которым они обращаются, иногда ему удается обнаружить, какие куски текста они читали, какие фрагменты прочитанного плохо поняли. И когда критик охватывает таким исследованием целую эпоху, когда он отмечает связи, соединяющие разные исторические источники, когда он обнаруживает, как они копируют друг друга или подражают один другому, как одни и те же идеи, одни и те же чувства повторяются или преобразуются от века к веку, разве он не работает над историей самого человеческого разума?»²⁷. Новейшими работами, посвященными средневековому историописанию и определившими современные исследовательские направления развития этой области исторической науки стали монографии известного французского историка Бернара Гене «История и историческая культура средневекового Запада»²⁸, а также близкие по тематике и подходам исследования профессора университета Дармштадта Франца-Йозефа Шмале²⁹ и профессора

²⁷ *Monod G. Etudes critiques sur les sources de l'histoire mérovingienne.* Paris, 1872. P. 19. О своеобразном «прорыве», произошедшем во французской исторической науке XIX в. и связанном с изучением средневекового историописания см. *Charbonnel Ch.-O. Histoire et historiens: Une mutation idéologique des historiens français, 1865 – 1885.* Toulouse, 1976.

²⁸ *Guenée B. Histoire et culture historique dans l'occident Médiéval.* P., 1980. Пер. на рус. яз.: Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.: 2002.

²⁹ *Schmale F.-J. Funktion und Formen mittelalterlicher Geschichtsschreibung.* Darmstadt, 1985.

Института средневековых исследований Монреальского университета Бенуа Лакруа³⁰.

Книга Бернара Гене посвящена становлению истории как науки в средневековой Западной Европе. Автор прослеживает из века в век, кем были люди, писавшие историю, и кто читал (или слушал) их труды; выявляет цели и потребности, которыми они руководствовались, рассматривает темы, в разное время вызывавшие преимущественный интерес публики и историков. Особенно важным является анализ характерной для средневекового историописания системы ценностей и авторитетов, а также изучение проблем социального заказа и ангажированности сочинителя. Гене изучает источники, которыми пользовались средневековые авторы, и методы их использования; жанры исторических сочинений; «технические» приемы написания исторических трудов; критерии их успеха; пути распространения рукописей; значимость истории для общества (историческая пропаганда, официальная история, использование примеров и прецедентов, соотношение истории и правды). Книга Гене стала своеобразным прорывом в изучении историописания. От описательно-информационной формы исследования он перешел к структурированному и системному анализу историописания. Французский ученый предложил комплекс вопросов, которые и определили совершенно новую исследовательскую парадигму: каково место истории в Средние века? Кем был историк? Как историки работали? Какие усилия они прилагали, чтобы реконструировать близкое и далекое прошлое? Кто их читал? Кто их слушал? Какую систему знаний, какую картину прошлого они смогли оставить в наследство своим современникам и потомкам? Какое влияние имели эти знания и картина прошлого на менталитет и образ действий людей? Ответы на эти вопросы открыли и еще один, впервые заявленный Гене ракурс рассмотрения историописания – его социальную основу, выявляющую сложную взаимосвязь внутри структуры «человек – текст – общество». Впервые в научной практике

³⁰ *Lacroix B. L'historien au Moyen Âge. Montréal; P., 1971.*

Б. Гене поставил и изучил вопросы успеха исторического сочинения и определил его критерии. Но анализ каждого отдельного произведения он рассматривает как лишь один из этапов работы. Он ясно заявляет свою цель: «...подняться над анализом частных случаев, сгруппировать результаты этого анализа и в качестве синтеза предложить как можно более точную картину исторической культуры»³¹. И проблема, как подчеркивает Гене, состоит не в том, чтобы нарисовать одну единственно возможную картину средневековой исторической культуры, а в том, чтобы уточнить, в каком виде, в какое время и в каком месте могла проявляться историческая культура историков и историческая культура всех остальных людей. И французский историк показал, что, только выявив эти различия, мы сможем оценить, насколько важна была история для данного конкретного общества. Заслуживает внимания и мнение Б. Гене о рождении истории как науки. Многие задавались вопросом, когда родилась новая история. Одни считают, что у ее колыбели стояли немецкие профессора XIX в., другие – что это были философы и эрудиты XVIII в., третьи – что это были юристы второй половины XVI в. Многие считают, что ее создателями были гуманисты Возрождения. Гене считает, что если смотреть на новую историю как на дискурс, то в ее развитие большой вклад внесли гуманисты Возрождения. Но если рассматривать ее как науку, то родилась она, по мнению Гене, в монастырях около 1100 г. (!). При этом французский историк считает, что такая постановка вопроса в основе своей выглядит не совсем корректной, потому что подразумевает разрыв между старой и новой историей. Между тем, книга Гене демонстрирует нам преемственность исторических трудов на протяжении веков, «солидарность всех историков, стремившихся обрести прошлое или хотя бы спасти его от забвения и рассказать о нем»³². Важность исследования Гене в осмыслении представлений об истории была настолько велика, что и сегодня оно определяет

³¹ Гене Б. Цит. соч. С. 343.

³² Там же, С. 415-416.

развитие новейших мировых тенденций в изучении исторической мысли.

У истоков формирования исследовательского направления, связанного с изучением исторического знания и исторической мысли западноевропейского Средневековья в России стояли Е.А. Косминский и О.Л. Вайнштейн, работы которых были опубликованы в 60-х годы прошлого века³³. Их исследования носили информационно-обзорный характер и внесли свой важный вклад в систематизацию практик историописания в Средние века.

В начале XXI в. это направление, обогащенное новыми подходами в изучении и осмыслении исторических источников, получило новый импульс к развитию³⁴. Хотя в России книг, посвященных собственно историописанию, по-прежнему выходит мало.

В целом же следует отметить, что исследования, связанные с проблемами исторического знания, в отечественной исторической науке чаще всего или включены в историографические компендиумы³⁵, или представляют собой работы, связанные с изучением жизни и творчества конкретных историков³⁶. Безусловно, они играют свою важную роль в процессе накопления и осмысления знаний об

³³ Косминский Е.А. Историография средних веков V в. – сер. XIX в. М., 1963, Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М., 1964.

³⁴ В качестве примеров мы хотим привести очень интересные исследования наших коллег Ю.Е. Арнаутовой, Н.И. Басовской, Л.М. Брагиной, Т.В. Гимона, Н.И. Девятайкиной, Ю.В. Ивановой, О.Ф. Кудрявцева, Ю.П. Малинина, З.Ю. Метлицкой, Н.В. Ревякиной, А.Ю. Серegiной, В.И. Уколовой и др. Высказав при этом некоторое сожаление, что активно идущая сегодня публикация переводов сочинений исторического жанра Средневековья (например, Фруассар Ж. Хроники 1325 – 1340. СПб, 2008; Жан де Жуанвиль, Жоффруа де Виллардуэн. История Крестовых походов. М., 2008 и др.) не сопровождаются монографическими исследованиями.

³⁵ Например, Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: в поисках утраченного. М., 1997; Они же. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1–2. М., 2003.

³⁶ См. например: Доронин А.В. Историк и его миф: Иоганн Авентин (1477 – 1534). М., 2007. Зверева В.В. «Новое солнце на Западе»: Беда Достопочтенный и его время. М., 2008 и др.

исторических представлениях разных эпох, но ограничивают возможности целостного осмысления истории исторической мысли.

Взаимный интерес историков к работам друг друга по истории исторического знания, опубликованным в конце XX – начале XXI в., предопределил нашу встречу в конце 2005 г., на которой и родилась идея создания своеобразной творческой лаборатории, где бы «обкатывались» исследовательские темы, развивающие это направление исторической науки. Историк, конечно, профессия «кабинетная», но ни один из нас не мыслит своей работы вне коммуникативного профессионального пространства. Более того, уже многое поняв об отношении к прошлому «своих» эпох, персонажей, накопив исследовательский потенциал, хотелось узнать более основательно, что отвечают на вопросы, которые ты задаешь «своим» источникам, исторические тексты других периодов, и как с этим вопросником работают твои коллеги по ремеслу.

При этом для нас было совершенно очевидно, что каждый источник представляется уникальным и даже самодостаточным явлением, и именно с этих позиций следует подходить к их изучению. Каждый из нас, следуя интенсивному изучению небольшого числа сочинений, имея в виду их сложный опосредованный характер, стремится рассмотреть каждый из источников во всем комплексе возможных детерминант, повлиявших на формирование текста. Таким образом, максимально персонифицируя предмет исследования и наполняя его конкретным содержанием, нам представляется возможным найти то общее, что характеризует феномен исторического сознания и исторической культуры той или иной эпохи в целом. При таком подходе, на наш взгляд, удастся также выявить то уникальное, что отличало историческое сознание и историческую культуру различных социальных групп, потому что каждый из рассматриваемых нами текстов воспринимается как продукт, максимально ориентированный на конкретные микрогруппы, и интерпретирующий материал в формах, моделях и образах, максимально понятных, прежде всего, людям и составлявшим эти группы.

Использование качественного анализа источника, на наш взгляд, один из немногих верных и продуктивных способов «разговорить» источник, провести его убедительное «логическое описание». Именно этот исследовательский метод позволяет дать свои ответы, на те многочисленные вопросы, которые вообще встают перед любым историком, и на главный среди них – понимаем ли мы текст? И какими аргументами убеждаем себя в этом понимании?

Вместе с тем, перед нами стоит целый ряд интереснейших вопросов: кто и зачем писал исторические сочинения, откуда эти авторы черпали сведения, кому они адресовали свои повествования, в каких формах сохранялись и трансформировались знания о прошлом?

С 2006 г. – за пять лет работы – прошло около 60 заседаний междисциплинарного научного семинара «Люди и тексты», организатором которого сейчас является Центр истории исторического знания ИВИ РАН. Уже в первый год наших встреч стало очевидно, что работа с текстом делает для нас интересными собеседниками лингвистов, социологов и психологов. В ходе наших встреч в первый год родился целый ряд идей перспективных проектов, которые и сегодня в значительной степени определяют наши исследования.

Сейчас уже можно говорить о наметившейся структуре работы семинара «Люди и тексты», которая выглядит следующим образом:

- «нетематические годы» работы семинара (2006, 2008, 2009 гг.), когда обсуждались доклады, посвященные различным, абсолютно произвольно заявлявшимся темам (это в большей степени доклады, связанные с презентацией начинающих исследователей сюжетов, когда обсуждаются отдельные мысли, наблюдения, которые находятся в процессе обработки и доведения. Это обуславливает некоторую, может быть, рваность повествования выступающих, но, что более важно,

предполагает совершенную открытость их текста к вопросам и замечаниям.);

- «тематические» годы (2007, 2010, 2011 гг.), посвящены одной теме, одному вопросу, ответы на который участники семинара искали в различных периодах и источниках;
- Круглые столы – это довольно широкая «конференция идей», аудитория которой несколько больше обычного семинарского кружка. В них активно участвуют наши коллеги не только из академических институтов, но и из многих российских университетов (2009, 2010 гг.).

С самого начала наших встреч определилось несколько «полюсов интересов» участников семинара. Прежде всего, нам представляется очевидным, что обращение к изучению истории исторической мысли связано с работой с историческим источником, который создается человеком или людьми, живущими в конкретном времени и пространстве, являющимися носителями конкретной социальной реальности. По мнению И.Н. Данилевского (одного из руководителей семинара), анализ имманентного развития смысловых структур и потенций каждого сюжета или сообщения – наряду с контекстуальным анализом цитат, которые использует автор в своих описаниях, – позволяет добраться до общего смысла, понимания текста источника. В случае использования такого подхода «изложение невольно переходит из плоскости описаний того, «как это было на самом деле», в плоскость реконструкций, которые будут рассказывать о том, кем себя считали авторы (редакторы) и читатели изучаемых источников, как они представляли свои сообщества, из-за чего и почему они вступали в конфликты, как они оценивали результаты происходящего, и т.п. вопросы. В то же время, такой подход не исключает традиционных взглядов на изучение исторических источников и создание исторических реконструкций. Он лишь дополняет их, открывая те стороны источника (и самой жизни его автора и читателей), которые прежде были недоступны. Необходимо лишь достаточно

строго различать наши представления о том, что и как происходило в прошлом, и то, как все это представлялось современникам. Неосознанная подмена того, «что было на самом деле», образами, которые были порождены этим самым «что было», а также отождествление современных образов с образами людей прошлого – источник химер общественного сознания, основа для пропагандистских трюков самых разных свойств и качеств»³⁷.

Историк – продукт своего общества, но в историческом тексте общество – продукт творчества историка. Заметим при этом, что в традиционной (классической) историографии текст воспринимается как репрезентация реальности, а не сама реальность. За текстом достаточно четко просматривается автономность, субъективность автора во всей сложной диалектике его эмпирической личности и творческого «Я». Предполагается, что автор знает, чего он хочет от своего текста, ведает, что творит... С другой стороны, всем известна мысль, бесспорно близкая постмодернизму, о некоторой самостоятельности, своего рода новой объективности текста, который не подчиняется ничему, в том числе и авторскому, произволу, живет по своим собственным законам. Тогда не важно, что хотел сказать автор, важно то, что на самом деле «сказалось», получилось, прозвучало. Если автор не властен над текстом, то текст говорит сам за себя. Автор – лишь орудие, «посредник», действующий во всех трех временных модусах (прошлое-настоящее-будущее), «посредник», говорящий текстом. А способность текста «говорить от имени бытия» превращает его из явления репрезентативного в реальность первого порядка, а затем и в единственную реальность. В рамках постмодернистской парадигмы был сформулирован целый ряд «проклятых» вопросов: как читать исторические тексты? возможно ли выйти за пределы внетекстовой реальности или мы обречены вечно блуждать в «ловушках языка»? является ли читатель таким же «автором» текста, как и его непосредственный создатель? что такое

³⁷ Данилевский И.Н. Какая текстология нужна историкам? // Эл. ресурс. Режим доступа <http://www.worldhist.ru/News/384/5886/> свободный.

вообще «текст»? Этот вызов постмодернизма не раз становился предметом обсуждения в семинаре в рамках проблемы «Автор и текст»³⁸.

Дисциплина, базирующаяся на текстах и называемая историей, не является некоей вечной сущностью³⁹. Она тоже реальность историческая, т.е. реальность, помещенная в пространство и время, представленная людьми, которые называют себя историками и таковыми признаются обществом. Есть разнообразная продукция, которую люди, живущие в данную эпоху, договариваются считать историей. Значит, история конституируется не только как научная дисциплина, но, прежде всего, как социальная практика. Такой подход ориентирует нас на изучение некоторой профессиональной группы, ее занятий, ее эволюции. Есть историки, которые считают себя носителями и продолжателями традиции, образуют направления и школы, признают неотъемлемые правила своего общего ремесла, соблюдают нормы профессиональной этики. Без сомнения, этими людьми движет интеллектуальное любопытство, любовь к истине, культ науки, но их общественное признание, как и их доходы, зависят от общества. Историк как таковой может состояться лишь при условии признания со стороны публики и себе подобных. Поэтому в историографических сюжетах социальное и культурное неразделимы.

Историк обречен определять свое место как по отношению к своим собственным предшественникам и современникам, так и по отношению к другим гуманитарным дисциплинам, с которыми история неизбежно взаимодействует на научном и социальном поле. Более того, историк должен учитывать общество в целом и тех, в частности, к кому он обращается и для кого создаваемая им

³⁸ *Тогоева О.И.* «Псевдо-Барбаро vs. Кристина Пизанская: свидетельство неизвестного итальянского гуманиста об эпопее Жанны д'Арк»; *Гимон Т.В.* «Летописец как редактор: разночтения между списками Новгородской I летописи»; *Красова А.А.* «Самоидентификация автора: по анналам Новоассирийского Царства».

³⁹ *Про, Антуан.* Двенадцать уроков по истории / Антуан Про; [Пер. с фр. Ю. В. Ткаченко]. М. 2000, С. 46.

история имеет или не имеет смысла. Таким образом, научные цели истории являются в тоже время для историка способом выражения своего мнения и своего смысла в данном обществе. Кроме того, посредством познания прошлого историк продолжает поиски самого себя⁴⁰. Он вполне может в какой-то период своей жизни счесть ту или иную историческую ситуацию, сюжет не представляющими интереса. Но заняться ею в другой период, понять спустя время то, чего прежде не воспринимал. Поэтому, несмотря на весь свой интерес, специальные публикации по эгоистории сообщают нам об историках меньше, нежели чтение их книг. Потому что, по словам Мишле, историк является порождением своих трудов⁴¹. И что бы не делал историк, он никогда не выходит за рамки самого себя⁴².

Таким образом отметим, что смысл семинара «Люди и тексты», на наш взгляд, состоит в некоторой рефлексии современного цеха историков по отношению к своим предшественникам. При этом для нас первостепенными являются вопросы кто, как, когда и почему фиксирует и транслирует историческое знание; почему именно эти люди, как происходит их социальный отбор в разные эпохи в разных странах, какие детерминанты определяют профессиональный и, если хотите, гражданский выбор

⁴⁰ Этому был посвящен доклад *З.Ю. Метлицкой* «Эдвард Фриман, Джон Ронд, Чарльз Пламмер: прошлое как средство самоидентификации?» *А.Л. Касаткина*, завершая свой доклад «Башня непорочности и дорога преображения: спор Жака Лефевра и Джона Фишера о Марии Магдалине», сделала довольно смелый вывод о том, что «бессознательное содержание, которое оба теолога проецировали на евангельские образы, было для них настолько важно потому, что совпадало с проявлениями анимы каждого из них, женского alter ego, присутствующего в психике любого мужчины. Неудивительно, что полемисты убежденно отстаивали честь своих героинь, ведь вместо образа той или другой Марии из Евангелия каждый рисовал портрет собственной души». // Эл. ресурс. Режим доступа <http://www.worldhist.ru/News/384/5895/> свободный.

⁴¹ Michelet, Jules. Introduction à l'histoire universelle. P., 1831, P. 81.

⁴² Доклады *Ю.Л. Троицкого* «Методики анализа эгодокументов: эпистола, дневник и мемуары на столе историка» и *М.П. Айзенштат* «Переписка Нового времени. Документ и исследователь».

историка? Бесспорно, важным представляется и вопрос о формировании личности историка (в чем причина обращения к прошлому каждого конкретного автора? Какова динамика развития интересов историка?).

Едва ли нужно специально доказывать тот факт, что люди, создающие тексты, исходят из определённых образов и представлений своего времени. Они проявляются как в языке и стилистике, так и в содержании, выступающих в качестве исходных моделей для авторской интерпретации. В случае правового текста эти модели представляются особенно важными уже в силу консервативности права как сферы культуры и, одновременно, общественной жизни. Здесь наиболее последовательно и осознанно проявляется стремление вписать новое содержание в старые контексты: ведь следование правовым нормам в немалой степени является следствием определённой инерции, априори присущей общественному сознанию⁴³. Многие из правовых источников по своей структуре «многослойны» и могут объединять в себе несколько различных текстов, а зачастую – это следствие многочисленных переработок сообщения о некотором казусе, восстановить обстоятельства которого в точности уже невозможно. Вопрос об объективном или субъективном характере информации некоторых правовых источников представляется также весьма непростым, поскольку каждое описанное в их тексте событие в несколько этапов проходило через призму индивидуальной оценки авторов текстов.

⁴³ Рассмотрению различных аспектов появления и бытования правовых текстов были посвящены доклады *О.В. Аурова* «*Artifex legum: идеал короля-законодателя в Вестготской Испании середины VII в. (Об одном испанском правовом тексте)*»; *И.М. Калитеевской* «*”Este nombre de rrey de buen rregir descende“: восприятие королевской власти в Кастилии XIV в. (по сочинениям Хуана Мануэля, Лопеса де Айялы и Сем Тоба)*»; *Н.В. Корякина* «*Еврейские респонсы XIII – XIV вв. (Испания – Прованс): авторы и читатели)*»; *А.В. Мареев* «*Альфонсо X и “Первая Всеобщая Хроника Испании”: некоторые правовые институты в зеркале „истории“*»; *О.Г. Ульянова* «*Рим-Константинополь-Москва: концепция Translatio Frigii в “Donatio Constantini Magni” и „Повести о белом клобуке“*» // Запись: Эл. ресурс. Режим доступа <http://www.worldhist.ru/News/384/5906/> свободный.

«...Как обозначить те смысловые рамки, которые задаются конкретному тексту условиями, определившими его написание, и формами, обеспечивающими его передачу читателю? Постановка подобного вопроса требует создания единой истории всех, кто так или иначе участвует в производстве, распространении и интерпретации дискурсов, – авторов, издателей-печатников, читателей, зрителей; каждый из них занимает в ней свое особое место и играет особую роль⁴⁴». Так сформулировал исследовательскую позицию Р. Шартье, приступая к историческому анализу функционирования текста в культурной и коммуникативной среде; тема коммуникации, которая сейчас привлекает все большее внимание историков и неоднократно обсуждалась участниками семинара в самых разных ракурсах: мифы и верования о влиянии текста на читателя; исследования факторов восприятия, понимания и запоминания текстовой информации; текст как источник информации об авторе: контент-анализ в психиатрии, психологии, социологии и изучении средств массовой информации; выбор и предпочтение текста (выбор читателя или влияние текста); миф о «массовой коммуникации»; известные, контролируемые и неконтролируемые параметры массовой коммуникации и др. Прежде всего, на материале конкретных источников наше внимание привлекали «три сосны» проблемы: что хотел сказать автор? что сказал автор? какой эффект произвел текст на читателя и почему?⁴⁵.

⁴⁴ Шартье Р. Письменная культура и общество. М., 2006. С. 11.

⁴⁵ В.И. Шалак «Что такое контент-анализ? Сферы его применимости»; М. Шартье «Обучение чтению как пример коммуникативной практики»; Г.В. Бакус «Текст и традиция: особенности бытования сочинения Ульриха Молитора в учёной культуре раннего Нового времени»; А.И. Сидоров «Маргиналии на полях манускрипта, или Как в средневековом Меце читали хронику Регинона»; А. А. Котомина «От серьезного до смешного – один шаг. Две редакции «Евангелий от Прях»: народные верования, придворная культура и становление французской беллетристики в конце XV в.»; А.В. Вдовиченко «Иосиф Флавий и Ев. Лука в языковой и литературной ситуации эпохи эллинизма»; М.Ю. Дорошенко «Ветхозаветная топонимика в статье 6604 г. "Повести временных лет"»; В.В. Зверева «[Историческое событие в сообществах сети "В Контакте"](#)»; Ю.А. Никифоров «[План](#)

2007 г. стал первым «тематическим» годом в работе нашего семинара и был посвящен историческому комментарию. К нашим заседаниям в режиме интернет-конференций присоединилось коллеги из Уральского и Саратовского государственных университетов. По итогам семинара был издан сборник научных статей⁴⁶, объединивший работы историков, филологов и юристов. Такой подбор мнений представителей гуманитарных специальностей весьма плодотворен, поскольку позволяет продемонстрировать и сравнить разные подходы и требования к феномену комментария. Главная проблема, обсуждавшаяся в ходе работы семинара «Люди и тексты» в 2007 г., заключалась в оценке качества комментариев в современной научной литературе, степени научной разработанности подходов к созданию пояснительных моделей, а также (а может быть, прежде всего) в попытке уяснить роль и направленность комментария в современном историческом исследовании.

Превращение текста в реальность происходит в русле ликвидации «бинарной оппозиции» означаемого и означающего. Действительно, текст, существующий как некоторое отражение, есть в то же время знак, а означаемое – это жизнь. Но если исследователь на основе работы, например, с Большими французскими хрониками, бесспорно, основанными на более ранней традиции средневекового историописания, написал статью, потом монографию. Его исследовательские результаты стали фактом профессионального сознания, материал его монографии используют в учебной и справочной литературе, выходят

Жукова” от 15.05.1941 года: проблемы интерпретации»; И.М. Никольский «Трансляция политической идеологии Константина Великого в сочинении Луция Фирминана Лактаниция ‘De mortibus persecutorum’»; В.Н. Рудаков «Восприятие татаро-монголов в древнерусской литературе»; Ю.Я. Вин [Информационный подход к изучению византийского права: лексика и тексты.](#)

⁴⁶ Комментарий исторического источника: исследования и опыты / Отв. ред. М.С. Бобкова. М.: ИВИ РАН, 2008. 295 С. (с приложением CD-ROM'a «Комментарий исторического источника: доклады и дискуссии»).

рецензии, формируется научная школа и т. д. В результате, появляются иные смыслы, воплощенные в ином тексте как в ином знаке. И это знак знака. Это бесконечная ситуация реплики по поводу реплики. Коротко говоря, пишется текст... про текст (в какой бы проблематике не работал ученый). Подавляющее большинство эпох и культур, известных человечеству, были комментаторскими. В конечном счете, перестает быть важным различие между реальностью и ее обозначением. Реальность исчезает, ее заменяет становящийся реальностью текст (поэтому Эко и Борхес называют библиотеку символом мира).

На мой взгляд, условием новых интерпретаций текста, комментирования является его безграничная смысловая ткань. Смысл интерпретации текста источника состоит в приспособлении данного текста к новым контекстуальным условиям. Одним словом, прошлый или «пришлый» текст (а других в нашем распоряжении нет!) должен стать понятным, внятным здесь и теперь, не меняясь.

Авторский комментарий к тексту может быть таким же объектом исследовательского комментирования, как и любой иной текст. Западноевропейское средневековье богато такими текстами, особенно в области истории церкви или истории права. В современной практике, однако, комментарии к комментарию исторического источника встречаются крайне редко, хотя комментарий к источнику может рассматриваться как один из необходимых факторов ретрансляции прошлого.

Для историка текст зачастую чуть ли не единственный источник знаний о прошлом, которое и является предметом истории. Этим и обусловлено наше активное внимание к теме «Автор и текст». Тем не менее, обращаясь к комментарию, мы должны учитывать не только ценнейший опыт филологов в осмыслении феномена комментария, его типологизации, в выработке требований к академическому комментарию; «установку на понимание и разъяснение текста», но и то, что предметы наших наук все-таки различны. Поэтому, мы и обращаемся к проблеме соотношения комментария и исторической культуры, исторического сознания сегодняшних исследователей и

людей прошлых эпох, который и составляет суть диалога, который призван вести историк.

В истории исторического знания комментарии появляются едва ли не вместе с самими текстами. Пояснение текста, его толкование, разъяснение становились важной интеллектуальной деятельностью в самые разные времена и в самых разных регионах мира. Огромную традицию комментаторской работы имеют сочинения античных авторов, Библия, большинство средневековых рукописей. В Средние века огромное распространение имели компиляций, многочисленные заимствования, и их комментарии зачастую и составляли собственно существо текста, они становились самим текстом, конструируя и формируя его. С появлением и распространением гуманистической историографии актуализируется комментирование античных источников.

Образно комментарий представляется нам в виде тени, сопровождающий любой физический объект. Тень в зависимости от освещения все время меняется: утром, когда впереди насыщенная жизнь дня, – тени короткие и малозаметные; в полдень – практически исчезают, а вечером, на закате, они становятся длинными и размытыми. Может быть, это и не совсем убедительная аналогия, но в молодых, самогенерирующих социумах комментариев, как правило, не сформирован в виде самостоятельного вида творчества. Юные цивилизации утверждают себя в *оригинальных текстах*, их память не отличается большой длительностью и существует в непосредственно данном времени.

Эпохи Средневековья, Возрождения в процессе самоидентификации обращаются к осмыслению разных традиций – античной, варварской, формируя свой интеллектуальный потенциал. Они изобилуют многочисленными толкованиями текстов, «унаследованных» от прошлых цивилизаций, они самоутверждаются через осмысление традиций, заложенных в «пришлых» текстах. С рубежа Нового времени, когда формируется научная дисциплина, предметом которой является прошлое социальной реальности, комментариев также обретает научный характер, и со временем укрепляется в нем.

Собственно, судьбам комментария в истории исторического знания был посвящен целый ряд докладов. На заседаниях семинара обсуждалось изучение издательской практики одного средневекового текста (Англосаксонской хроники) в Новое время как своеобразной формы историографического комментирования (З.Ю. Метлицкая – ИНИОН). Рассматривалось, как на протяжении нескольких столетий изменялась логика издания, развивался его справочный аппарат и другие сопроводительные материалы. Докладчик приходит к выводу, что каждое новое издание отражало актуальные потребности постоянно меняющейся аудитории и стремилось удовлетворить ее интеллектуальные запросы.

На примере сочинения Гальфрида Монмутского (С.Г. Мереминский – ИВИ РАН) показал, как современная автору реальность (Англия, XII в.) осмысливается с помощью придуманных исторических событий и персонажей, а также, почему эта выдуманная история обретает популярность и каким образом впоследствии комментируется современниками и потомками. Особое внимание при обсуждении было обращено на проблему аудитории сочинения Гальфрида, а также на состояние рукописной традиции, изучение которой позволяет увидеть логику прочтения и, следовательно, восприятия данного текста.

С.А. Степанцов (ИВИ РАН) рассмотрел комментирование как сущностную характеристику средневекового богословия и картины мира средневековых интеллектуалов. На примере комментария Августина на 119 псалом были выявлены основные приемы и методы филологического, исторического и культурологического (в данном случае церковно-религиозного) комментария. Обстоятельный анализ позволил сделать обоснованные выводы о способах интеллектуальной работы одного из Отцов Церкви. Кроме того, были показаны эвристические возможности филологического комментирования для развития современного гуманитарного знания.

Очень длительную и чрезвычайно разнообразную историю комментирования одного из важнейших древнеримских правовых текстов – Законов XII таблиц –

представил Л.Л. Кафанов (ИВИ РАН). Он выделил основные этапы комментирования этого источника, выявил их сущностные характеристики, подробно остановился на отдельных наиболее значимых комментариях римских юристов. Итогом заседания стала попытка сформулировать хотя бы в общем виде важнейшие составляющие правового комментирования и определить отличие последнего от исторического и филологического комментирования.

Проблемы комментирования античных источников рассматривались и А.В. Масолкиным (Саратовский ГУ), который подчеркнул ряд проблем понимания смысла и трактовки сюжетов произведений античности, необходимость учета филологических и лингвистических особенностей античных текстов. Автор отдельно остановился на анализе традиций комментирования античных источников, существующих в отечественной и зарубежной научной практике.

О.В Ауров (РГГУ) счел перспективным взглянуть на комментарий как на средство источниковедческого исследования. Было показано, что даже текст с вполне стандартной фабулой и, казалось бы, не содержащий никаких конкретных исторических сведений в их «традиционном» понимании, может оказаться достаточно насыщенным информационно, если предварительно станет объектом комментирования.

Но у проблемы «Текст и комментарий» есть и другая, как бы современная сторона. Побудительным мотивом, подтолкнувшим участников семинара к этой теме, стали качество комментариев к ныне издаваемым историческим источникам и отношение современных историков к этому виду работы. Перед участниками семинара возникли вопросы следующего порядка: как нынешние историки работают с комментированием? Как определяют эту процедуру, как оценивают качество того или иного комментария исторического источника? Вопросы не праздные, во-первых, потому что практически каждый историк хотя бы раз в своей жизни готовил комментарий источника, а значит, использовал определенную пояснительную модель, либо работал с комментариями и,

разумеется, их оценивал, а значит, такую модель в голове имел. А во-вторых, суть комментирования, на наш взгляд состоит в разъяснении реалий текста людям, ныне живущим в России. Читатель (а комментарии готовятся, как правило, к публикациями, адресованным любому заинтересованному человеку), встречая непонятное выражение, «глухие» ассоциативные ряды, даты, имена, и пр. как минимум раздражается, а как максимум – теряет интерес к книге, иногда, очень даже заслуживающей самого пристального внимания.

Занявшись проблемой комментирования более основательно, мы познакомились с богатейшим опытом, который накоплен в этом направлении нашими коллегами-филологами. Это давняя тема Института мировой культуры МГУ. Последним, известным нам, и, бесспорно, заслуживающим внимания результатом этой работы стала публикация материалов Круглого стола «Текст и комментарий» (М., 2006), который был посвящен 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. К сожалению, хочется признаться – наши историки не осуществляют такого глубокого подхода к комментарию – ни на уровне практики, ни на уровне теории. Вероятно, это связано с тем, что предметом истории является не текст как некоторая завершенность, но прошлая социальная реальность, которая транслируется в основном через нарратив.

Почему историки, как нам представляется, недооценивают комментарий? Первая причина, на наш взгляд, состоит в том, что они этому нигде не учатся. Нет на исторических факультетах курса «Комментарий источника». Хотя очевидно, что комментарий – это особый род научной работы. Работы трудной и занимающей много времени. Вторая причина – это то, что историки не пишут рецензий на комментарии опубликованных исторических источников, не оценивают их публично, не размышляют над ними. Нет у историков такой традиции. Комментарий выполняет до сих пор в публикациях источников узко вспомогательную роль – некий краткий справочник географических названий, персоналий, дат.

Размышлениям вокруг проблем комментария в современном гуманитарном знании были посвящены три заседания семинара. Н.А. Селунская (ИВИ РАН) отметила, что исследование и комментирование, естественно, взаимосвязаны, но не тождественны. И, коль скоро в развитии истории и филологии как дисциплин наблюдается то кризис жанра, то новый революционный поворот, логично предположить, что это отражается и на характере комментирования, что меняется и комментарий. В период, когда критерии «научности» в гуманитарных дисциплинах размыты и подвергнуты сомнению, непонятно, какие же требования должны предъявляться к комментарию. Более того, поскольку и в истории, и в филологии, возник тезис о самоценности и самодостаточности фрагмента, нельзя избежать вопроса о принципиальной необходимости комментария.

Значимость комментирования подразумевалась и сама собой вытекала из признания особого значения контекста. В ходе доклада и обсуждения ставился вопрос о том, что же такое комментарий в самом общем смысле и что такое исторический комментарий.

Определению академического комментария, его типологизации и классификации была посвящена встреча с И.А. Пильщиковым. Общие теоретические положения были проиллюстрированы на конкретных примерах комментирования сочинений русских поэтов XIX века (Батюшков и Баратынский). Особенно важной является общегуманитарная модель комментария, обсуждению которой была посвящена дискуссия по докладу.

Проблема понимания текста имеет непосредственное отношение к его переводу. Это очень конкретная вещь, и сейчас печатается масса переводов, но критерии их оценки применительно к истории теоретически вообще не обсуждаются. Ю.В. Иванова (ИМЛИ РАН) подчеркивала, что перевод является, прежде всего, вариантом толкования текста и поставила вопрос о его соотношении с комментарием. Автор проанализировала современные концептуальные парадигмы комментария и указала на необходимость комплексного подхода к переводу, основанному на синтезе различных парадигм. В ходе

заседаний обсуждалась проблема аудитории переводных текстов: для кого делаются эти переводы? Понятно, что любой человек, изучающий источник или данный исторический период более или менее глубоко, будет (и должен) читать оригинал. Тогда на какую аудиторию рассчитаны переводы? Студенты-первокурсники, которые еще не выбрали специализацию? Коллеги-историки из других областей, которым стало любопытно узнать что-нибудь, например, про Францию XVI в.? «Широкий круг читателей», т.е. интеллигентные люди, которые читают книги ради удовольствия? Или перевод предназначен для того, чтобы студент или начинающий исследователь, не поняв какой-то пассаж в оригинале, мог с ним свериться (такова, например, английская традиция перевода источников)? Я думаю, что не ответив, хотя бы для себя, на этот вопрос, нельзя понять, как переводить текст и как его комментировать.

Годовая работа семинара, сборник «Комментарий исторического источника: исследования и опыты», стал своеобразной попыткой привлечь внимание исторического сообщества к вопросам комментирования источников. Составление комментария к тексту является самостоятельной научно-исследовательской задачей, направленной на максимально полную интерпретацию исторического источника в контексте соответствующей исследовательской парадигмы. В современном профессиональном сообществе историков назрела насущная потребность в решении указанной исследовательской проблемы. Это связано с целым рядом причин, а именно: 1. В связи с публикацией в последние пять лет целого ряда исторических источников по всеобщей истории, в контексте динамично меняющихся научных парадигм очевидна необходимость выработки единых объективных общих принципов и подходов к составлению и оценке исторического комментария. Выработка общих правил комментирования при подготовке публикаций источников приобретает особую важность для серийных академических публикаций. Это значительно повысит научную значимость публикуемых в будущем исторических источников. 2. При

подготовке профессиональных историков в высшей школе в курсе источниковедения до сих пор не акцентируется проблема составления исторического комментария и его отличий от источниковедческого анализа, т.к. они не выявлены на уровне теоретической научной разработки. Соответственно не формулируется и не реализуется в полной мере одна из важнейших для профессии историка задач, а именно – обучение студента-историка комментированию текста исторического источника.

Перспективы развития этой темы очевидны. Мне представляется важным продолжить работу по анализу целей и задач, которые выполняет комментарий к тексту в системе гуманитарных наук; провести типологизацию комментариев; выявить специфику исторического, филологического, философского, культурологического комментария. В контексте результатов компаративного исследования функций комментария к тексту в гуманитаристике в целом, можно было бы выработать и систематизировать базовые принципы составления профессионального исторического комментария к различным по типу и времени происхождения историческим источникам. На мой взгляд, это бы могло расширить и предмет исследования исторической культуры за счет включения в него комментария как собственно объекта исследований, который сам является носителем информации об исторической культуре, историческом знании, формах ее фиксации и трансляции.

Исходной точкой любого обращения к прошлому является отбор информации о нем. В «тематическом» 2010 г. обсуждению участников семинара была предложена проблема «Традиция и текст», которая обращала нас к выявлению источников знаний о прошлом, которые так или иначе использовались в трудах о прошлом. В поисках ответа на вопрос о том, к каким источникам информации обращались авторы исторических сочинений, можно понять, в рамках каких культурных и интеллектуальных традиций прошлого они чувствовали себя естественно, каким образом «осваивали» их, актуализируя и встраивая их в свою систему мировидения. Отношение к источнику знаний о прошлом, осознанность специфики различных исторических

свидетельств определяет уровень и значимость вновь создаваемого сочинения. При описании более или менее отдаленного прошлого составитель исторического сочинения вынужден был прибегать к исторической традиции, что включает не только содержание традиции, но также и сам процесс, способ передачи традиции⁴⁷. Отношение к традиции определялось личностью и мировоззрением самого автора, его социально-политической и идеологической средой, свойственным ему и его аудитории типом мышления и др. детерминантами.

Данная проблема представляется нам крайне важной еще и потому, что в актуализации источников знаний о прошлом, в их подборе и трактовке четко фиксируются многообразные социальные и политические запросы общества. Само возникновение отношения исторической традиции включает не только осознание факта ее существования, но также понимание необходимости производить при подходе к ней какой-то выбор и проверку. «Осознание источника» автором сочинения с неизбежностью влечет за собой растущее внимание к оценке исторической традиции. Отбор исторической традиции есть необходимая и главная задача историков всех времен и народов⁴⁸. Поскольку отбор предполагает критическое отношение к исторической традиции, а любое критическое отношение к ней влечет за собой отбор, то селективно-критическое отношение к традиции может быть индикатором уровня зрелости исторической мысли и описания истории.

В ходе работы семинара в 2010 г. для большинства его участников стала очевидной необходимость рассмотрения античной традиции историописания в истории исторической мысли. В современной историографии до сих пор нет обобщающей работы, содержащей сплошной анализ бытования античного историописания в эпохи Средневековья и Нового времени в Европе. В имеющихся исследованиях, посвященных этой тематике, как правило,

⁴⁷ *Бейнберг И.П.* Указ. соч. С. 57.

⁴⁸ *Strasburger H.* Die Wesenbestimmung der Geschichte durch die antike Geschichtsschreibung. Wiesbaden, 1975.

берется отдельная проблема, изложенная одним античным автором, и прослеживается формирование и развитие историографической традиции. Более того, в обобщающих трудах⁴⁹, посвященных историописанию, общим местом стала не совсем полная и точная оценка значимости античных историков в формировании историзма переходной эпохи. Например, «...круг источников всей этой мудрости крайне узок и повторяется из трактата в трактат: «Поэтика» Аристотеля; суждения о пользе истории, почерпнутые у Цицерона и Квинтилиана, Дионисия Галикарнасского; наставления как писать историю, принадлежащие Лукиану из Самосаты»⁵⁰.

Специально этой теме мы посвятили отдельную встречу, которая вызвала интерес и у наших коллег⁵¹. Краткий и не окончательный ее итог состоит в следующем. Общий фонд исторических источников на протяжении всего Средневековья менялся довольно медленно и к эпохе Возрождения не претерпел какой-то грандиозной трансформации. Из античных авторов-историков фавориты одни и те же: поэты Вергилий и Лукан (их к историкам причисляли очень часто, хотя и с оговорками), Саллюстий, Светоний, Юстин, Евтропий (в том числе в составе позднейших компиляций Павла Диакона и Ландольфа Мудрого). Бесспорно, в позднее Средневековье интерес к античной литературе существенно вырос, классиков стали читать больше, однако такие (с нашей современной точки зрения) корифеи римского историописания как Цезарь, Ливий, Тацит, Аммиан Марцеллин остаются вовсе или почти

⁴⁹ Grundmann H. *Geschichtsschreibung im Mittelalter*. Göttingen, 1965. S. 54.

⁵⁰ Koselleck R. *Historia Magistra Vitae // Natur und Geschichte*. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1967, S. 93.

⁵¹ Т.В. Гимон «Памятники античной историографии в англо-саксонской Англии», С.Г. Мереминский «Памятники античной историографии в англо-нормандской Англии», И.Н. Данилевский «Античная история в домонгольской Руси», А.И. Сидоров «Памятники античной историографии в каролингской Европе», М.С. Бобкова «Античные историки в историописании XVI века».

не известны⁵². Говоря о причинах таких предпочтений, не стоит полностью сбрасывать со счетов фактор случайности, но общий вектор довольно хорошо виден: предпочтение отдавалось сравнительно коротким текстам («монографии» Саллюстия или отдельные жизнеописания у Светония, не говоря уже о лапидарных Юстине и Евтропии), желательно, с выпукло обозначенной моральной составляющей, но вместе с тем достаточно занимательным. Труды Ливия или Тацита, возможно, казались слишком многословными, переполненными малознакомыми, а потому и не слишком интересными именами, названиями, событиями. Ну, и не стоит лишний раз говорить, что все грекоязычные авторы оставались полностью неизвестны (за редчайшими исключениями и то сомнительными: так, есть версия, что Лиутпранд, неоднократно посещавший Константинополь, мог заглядывать в каких-то греческих авторов).

Впрочем, две новые тенденции в отношении к античному наследию в позднем Средневековье все же проявились. Во-первых, большой популярностью стали пользоваться сочинения псевдоисторического (как мы сейчас знаем) содержания из циклов о Троянской войне (истории, приписываемые неким Дарету и Диктису, а также оригинальные средневековые версии – Бенуа де Сен-Мора, Гвидо делле Колонна) и Александре Македонском (сравнительно достоверный Квинт Курций Руф и полностью фантастические «Деяния Александра» Юлия Валерия, др. тексты). Интерес к Троянскому циклу – троянские корни многих европейских народов и, одновременно, переосмысление в контексте рыцарских подвигов – величайшая война в истории. Цикл об Александре – интерес к Востоку в эпоху Крестовых походов (характерно, что многие детали оттуда будут позднее использованы в знаменитом сочинении «Письма пресвитера Иоанна»)⁵³.

⁵² Schmidt-Biggemann W. *Topica universalis: eine Modellgeschichte humanistischer und barocker Wissenschaft*. Hamburg: Meiner. 1983, S. 211-243.

⁵³ Paul Oskar Kristeller, F. Edward Krantz eds. *Catalogus translationum et commentariorum: Mediaeval and Renaissance Latin Translations and Commentaries*. Washington: Catholic University of America Press, 1971.

Второй новый аспект – фантастический взлет популярности небольшого трактата «О речах и деяниях знаменитых людей» Валерия Максима: то же стремление к кратким выжимкам, но в виде не схемы (как у Евтропия), а собрания исторических анекдотов, которые легко можно вставить к месту или не к месту. Это можно сравнить со стремительным взлетом популярности жанра *exempla* в XIII в. Неожиданно и очевидно влияние античного наследия и на формирование летописных источников домонгольской Руси⁵⁴.

Переворот в отношениях к античным авторам, произведший настоящее потрясение всех историографических основ Средневековья, был произведен, конечно, итальянскими гуманистами – собирателями рукописей, переводчиками, издателями, университетскими профессорами, правоведами.

Оценивая значимость всех воспринятых предшествующих традиций историописания, можно сказать, что самая высокая доля цитирования и отсылок приходится на античную традицию историописания. Поэтому мы и уделяем большее внимание европейскому восприятию переходной эпохи античной традиции историописания.

Между тем, с момента изобретения книгопечатания и по 1700 г. в Западной Европе находилось в обращении более 2 500 000 экземпляров печатных изданий сочинений античных историков⁵⁵. И среди них были – Саллюстий (553 000 экземпляров), Валерий Максим (198 000 экз.), Цезарь (189 000 экз.), Курций Руф (179 000 экз.), Тацит (316 000 экз.), Ливий (160 000 экз.), Светоний (155 000 экз.), Флор (152 000 экз.), Юстин (73 000 экз.), Иосиф Флавий (141 000 экз.), Плутарх (62 000), Ксенофонт (84 000 экз.), Геродот (44 000 экз.), Фукидид (41 000 экз.), Диодор и Дион (по 25 000 экз. каждый). В 1527 г. Дж. Бадий перевел на французский язык Фукидида, и это издание разошлось тиражом 1225 экз. Издания на латинском языке издавались

⁵⁴ Доклад И.Н. Данилевского.

⁵⁵ *Schweiger F.L.A. Handbuch der classischen Bibliographie.* 3 V. Leipzig, 1830 – 1834.

тиражами поменьше, на греческом языке – совсем небольшими. Какова была динамика популярности античных историков, оцененная по интенсивности издания⁵⁶:

1450 – 1599 гг. Саллюстий, Валерий Максим, Ливий

1500 – 1549 гг. Саллюстий, Валерий Максим, Цезарь

1550 – 1599 гг. Цезарь, Саллюстий, Ливий

1600 – 1650 гг. Тацит, Саллюстий, Флор

1650 – 1699 гг. Курций Руф, Флор, Саллюстий

Освоение античного историописания было теснейшим образом связано с подготовкой переводов и комментариев к ним. Первое место среди переведенных на европейские языки книг в XIV в. имеют античные авторы – Вергилий, Овидий, Саллюстий, Тит Ливий. XVI столетие с новой силой возбудило интерес к переводам на европейские языки. К концу века на французский язык были переведены практически все тексты древнегреческих авторов. В значительной мере в раннее Новое время политику в освоении исторического пространства античности определяли не только переводчики, но и издатели. По существу, издания античных авторов XVI века оказались превзойденными только в XIX веке, когда с большей полнотой были собраны рукописи и выработаны приемы научной критики. В 2012 г. мы планируем провести еще один Круглый стол и вынести эту тему на более широкое обсуждение.

Традиционно в центре внимания ученых, занимающихся историей исторического знания, находятся письменные тексты, однако в последние десятилетия все больше внимания уделяется и другим типам источников. В то же время, до сих пор не предпринималось попыток суммировать и обобщить работу в этом направлении. Наиболее перспективными с точки зрения сферы дальнейшей работы семинара «Люди и тексты» представляются произведения изобразительного искусства: живопись, скульптура, архитектура, книжные миниатюры и оформление книг в целом (здесь вполне уместно обратиться к популярному сейчас направлению, изучающему

⁵⁶ Geschichtsschreibung: Epochen-Methoden-Gestalten. Hrsg. J. Sigmaringen, 1987. S 17/

визуальную репрезентацию текста в рукописях), применительно к новому и новейшему времени круг источников может включать и документалистику, фотографию, музыку и многое другое.

Общие размышления над этими сюжетами и их обсуждение сделали для нас очевидным, что проблема стоит шире. Ведь круг визуальных источников – это только часть того колоссального айсберга, которым представляется ненарративная история, которая и стала темой семинара в 2011 г.⁵⁷ Под термином «ненарративная история» мы понимаем обращение к источникам, которые не имеют форму повествования или несут отпечаток смысловой незавершенности. Говорить о результатах наших штудий в этом направлении пока рано, но приблизительно треть статей, представленных в этом сборнике, подготовлены на основе докладов и их обсуждений в этом году.

Непосредственно из обсуждений в семинаре «Люди и тексты» в 2008 и 2009 гг. родилась идея проведения двух Круглых столов – «Понятие историописание и его границы» (2009 г.)⁵⁸ и «Локальные исторические культуры и традиции историописания» (2010 г.)⁵⁹. Заседания тематических Круглых столов, по моему мнению, являются одной из наиболее эффективных форм «поиска истины» в рамках ответа на один-единственный вопрос. Вопрос, определяющий исследовательскую проблему. Проблему –

⁵⁷ Предварительный план работы семинара по теме «Ненарративная история» представлен – электронный ресурс. Режим доступа <http://www.worldhist.ru/News/384/6638/> свободный.

⁵⁸ Его подготовкой и проведением руководил кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории исторического знания ИВИ РАН Станислав Григорьевич Мереминский. По итогам работы издан сборник научных статей «Терминология исторической науки. Историописание» / Отв. ред. *М.С. Бобкова, С.Г. Мереминский*. М.: ИВИ РАН, 2010, – 338 С.

⁵⁹ Этот Круглый стол подготовил и провел кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории исторического знания ИВИ РАН Александр Иванович Сидоров. По итогам работы издан сборник научных статей «[Локальные исторические культуры и традиции историописания](#)» / Отв. ред. *А.И. Сидоров*. М.: ИВИ РАН, 2011. – 273 С.

общую для всего цеха историков, независимо от их тематической, хронологической, географической специализации. Проблему, которая по разным причинам является базовой для понимания сущностей исторического познания, судеб исторических сообществ, собственно логики развития исторической науки.

Я уже отмечала, что важное место в сфере научных интересов семинара занимает изучение различных текстов исторического содержания (письменных и не только), т.е. текстов, призванных более или менее адекватно отразить различные аспекты прошлого. Необходимой предпосылкой такого изучения должна быть выработка единого и корректного терминологического инструментария. Между тем, представляется, что в современной отечественной исторической науке не существует даже общепринятого термина для обозначения процесса создания текстов исторического содержания, подобного английскому «historical writing» или немецкому «Geschichtsschreibung». Наиболее близким по значению к ним является русское понятие «историописание», которое, однако, еще не получило достаточного концептуального осмысления. Поэтому, с одной стороны, необходимо было уточнить и прояснить соотношение понятия «историописание» с такими смежными и родственными терминами как «история», «хронография», «историография», «историческое знание», «историческая память» и т.д. С другой стороны, не менее важно изучение понятия «историописания» в его пространственно-временном модусе, на материале самых разных эпох и обществ. Осознавались ли в той или иной культуре тексты, призванные зафиксировать информацию о прошлом, как особая разновидность сочинений, и если да, то где проходила граница между ними и другими письменными произведениями? В то же время, понятие «историописание» нередко ставится в оппозицию и к понятиям «историческая наука» и «историческое исследование». Таким образом, его изучение напрямую связано и с проблемой становления истории как науки в Новое время. Адекватная постановка и решение столь широкого круга вопросов возможны лишь при участии историков, изучающих самые разные эпохи и

страны: от Античности до Новейшего времени, специалистов как по всеобщей, так и по отечественной истории. На первом этапе оптимальной формой такого сотрудничества нам представлялся круглый стол, посвященный темам:

- понятие «историописание» и его аналоги в других национальных историографических традициях;
 - «историописание» и родственные понятия (история, историография, хронография);
 - временные границы «историописания»:
- между мифом и исторической наукой?

Вынося на обсуждение проблему терминологического инструментария историка, мы отдавали себе отчет в том, что тот или иной термин может стать работающим, актуальным лишь при условии достижения консенсуса значительной частью сообщества профессиональных историков. Причем такой консенсус, как правило, не определяется формально-административными методами, а вытекает из самой «культурной практики» исторических исследований.

Проблема формирования и использования терминологического инструментария исторической науки, в основе которого лежит понятие, самым тесным образом связана с ее становлением как дисциплины и осмыслением предмета ее исследований. «Одной из особенностей общества как предмета научных исследований является целостность взаимодействий и противодействий факторов различной природы... неясности теоретического мышления об обществе и его истории, так и неясности суждений, выражающих общественное мнение, в значительной мере зависят от того, что в этих сферах мы имеем мышление, выраженное с помощью идей, а не понятий»⁶⁰.

Специфические свойства понятия, зафиксированного в термине, определяются и тем, что оно должно выступать в качестве медиатора в процессе профессионально-научной коммуникации. Даже в рамках собственно исторического профессионального сообщества неупорядоченность

⁶⁰ Финн В.К. Интеллектуальные системы и общества. М., 2001, С.273-274.

терминологии, разноречивой вызывают ненужные споры между представителями разных школ и направлений, а также недоразумения – от досадных до комичных – между историками и обществом, являющимся непосредственным «потребителем» производимого учеными продукта: научных монографий, статей, учебников, исторической публицистики, справочной литературы, исторической медийной продукции и пр.

Кроме того, отметим, что сегодня особенно актуальным представляется изучение понятия в роли «носителя информации» о той деятельности, которая непосредственно связана с формированием, хранением и передачей специальных знаний. Научный язык является такой же частью реальности, как и объекты действительности, изучаемые наукой⁶¹.

В истории исторического знания многие виднейшие ученые уделяли проблемам понятий, исторической терминологии самое пристальное внимание, поскольку только наличие ясной терминологии, выражающей те или иные сущности, конституирует научную дисциплину, науку. Мы будем недалеко от истины, утверждая, что осмысление языка историка существует столько же, сколько и сама историческая дисциплина.

«Делом и правом нашей науки, как и любой другой, должно быть исследование и определение понятий, с которыми она имеет дело. Если она позаимствовала бы их из результатов других наук, то ей пришлось бы покориться и подчиниться тем научным подходам, над которыми у нее нет контроля, возможно даже таким, которые, как ей очевидно, ставят под сомнение ее собственную самостоятельность и право; она, возможно, получила бы от них дефиницию понятия «наука», которая бы ей была не по нутру. Нашей науке придется подыскать для себя соответствующий ряд понятий по-своему, т.е. эмпирическим путем. Она имеет право на это, поскольку ее метод есть, прежде всего, метод

⁶¹ *Ankersmit F.R. The Use of Language in the Writing of History // Working with Language: A Multidisciplinary Consideration of Language Use in Work Contexts / ed. by Hywel Coleman. Berlin, 1989, 57-83.*

понимания, понимания и того, что есть у языка и словоупотребления в повседневном обиходе и что он предлагает ее эмпиризму»⁶². Вопрос об исторических понятиях, об их определении в период с XVI по XIX век постоянно возникает практически во всех сочинениях об истории⁶³. Действительно, это период, когда история активно ищет и определяет средства выражения уже накопленных знаний о прошлом. С середины XIX до первой трети XX вв. языком истории были идеи, а с 30-х гг. XX в.⁶⁴ начинается их переосмысление и формализация на уровне понятий и категорий⁶⁵. Терминологический аппарат может быть лишь результатом реконструкции идей, преобразованных в понятия⁶⁶. Рубеж XX и XXI вв. очевидно демонстрирует нам единство научного знания, что соответствующим образом влияет и на язык гуманитарной науки, и на формирование взаимоприемлемого общенаучного понимания структуры смысла.

Мы исходим из того, что смысловая перегруженность понятия «историография» очевидна, и наиболее экономным решением этой проблемы могло бы стать введение термина (или терминов), призванных взять на себя часть этой нагрузки. Целью нашего Круглого стола было определить, возможно и целесообразно ли использовать в качестве одного из таких «разгрузочных» терминов понятие «историописание». Чаще всего слово «историописание» употребляется в чисто стилистических целях, обычно – как синоним слова «историография» (в самых разных ее значениях), и не несет самостоятельной смысловой нагрузки. В прочих случаях можно с большой долей условности выделить три группы значений:

⁶² Дройзен И.Г. Историка. М., 2004, С. 549-550.

⁶³ Goodman N. Ways of Worldmaking. Hassocks, 1978.

⁶⁴ Danto A.C. The Transfiguration of the Commonplace: A Philosophy of Art. Cambridge, 1983, P. 189; Hutton P. H. History as an Art of Memory. Hanover; L., 1993.

⁶⁵ Smith P. The Place of History among the Sciences // Essays in Intellectual History: Dedicated to James Harvey Robinson by His Former Students. N. Y., 1929. P. 213–227.

⁶⁶ Финн В.К. Цит. соч. С.274.

1. Историописание как процесс «писания истории» вообще (в любой форме), т. е. создания исторических текстов. Но из этого немедленно следует вопрос – что такое исторические тексты?

2. Историописание как совокупность исторических текстов, созданных в определенную эпоху и/или на определенной территории. Здесь возникает тот же уточняющий вопрос, что и в предыдущем пункте.

3. Историописание как «писание» истории в противовес историческому исследованию, основанному на научном анализе. Тем самым историописание явно или неявно противопоставляется исторической науке (или, как предпочитают говорить некоторые исследователи, историологии⁶⁷). В довершение путаницы, в некоторых работах эта более «научная» альтернатива историописанию обозначается как историография. Так, А.Г. Тартаковский в свое время предложил называть историописанием «промежуточный, смешанный тип исторического повествования», сочетающий «качества традиционного исторического сочинения с мемуарно-личностным»⁶⁸.

Такой разброс точек зрения едва ли можно считать нормальным. По справедливому замечанию И.П. Вейнберга, «если одно и то же явление именуется «историей» и «историографией», «историческим интересом» и «идеей истории», «историописанием» и т.д., то такое терминологическое многоголосие порождает дополнительные «шумы» в без того перегруженных коммуникационных каналах современного человека. Кроме того, терминологическая пестрота, вероятно, свидетельствует о нечеткости, неопределенности в понимании самого обозначаемого явления. Поэтому уточнение категориального аппарата, терминологическая ясность и точность являются важными предпосылками не только для определения предмета разговора, но также для того, чтобы разговор состоялся»⁶⁹. Соответственно, если мы

⁶⁷ См. например Семенов Ю.И. *Философия истории*. М., 2003. С. 3.

⁶⁸ Тартаковский А.Г. *Русская мемуаристика XVIII – 1-й половины XIX вв.* М., 1991. С. 40.

⁶⁹ Вейнберг И.П. *Указ. соч.*, С. 9.

хотим использовать в своей «творческой лаборатории» понятие «историописание» (а тенденции последних лет достаточно явно указывают на наличие такого желания в сообществе историков), имеет смысл попробовать точнее определить его и отграничить от других родственных терминов⁷⁰.

С моей точки зрения, целесообразнее и уместнее всего рассматривать историописание: во-первых, как наделение значением событий и явлений действительности, во-вторых, как процесс создания исторических текстов, а в-третьих – как результат этого процесса, то есть совокупность текстов о прошлом, написанных в определенное время и в определенном регионе.

Но это определение ставит перед нами целый ряд новых вопросов. Что такое исторические тексты? Когда возникает историописание: рождается ли оно в классической Греции, как это нередко утверждают, или оно существовало уже в цивилизациях Древнего Востока? С другой стороны, оправдано ли противопоставление историописания исторической науке, историческому исследованию? Если да – где граница между ними? Тождественны ли понятия «историописание» и «исторический нарратив»: иными словами, возможно ли не-нарративное историописание? Наконец, где проходит граница между историческими и неисторическими жанрами? И по каким критериям ее нужно проводить?

Все эти вопросы представляются нам важными и заслуживающими исследовательского внимания в дальнейшей работе и семинара «Люди и тексты», и Центра истории исторического знания в целом.

Проблематика Круглого стола «Локальные исторические культуры и традиции историописания» была напрямую связана и в некоторой степени определена «заглавной темой» работы семинара в 2010 г. – «Традиция и текст». Актуальность этой темы, на наш взгляд,

⁷⁰ Мереминский С.Г. Понятие «историописание», его содержание и границы // Терминология исторической науки. Историописание. С. 14-28.

продиктована устойчивым интересом к изучению исторической культуры различных сообществ, к тому, как формировалось, видоизменялось и транслировалось их знание о прошлом. Наиболее полно эти процессы отразились, собственно, в историописании. Исторические сочинения, созданные в конкретное время и в конкретном месте, не только фиксировали определенную сумму знаний о прошлом, но и сами, в свою очередь, служили основанием для новых историографических построений. Следовательно, нам представлялось, важно понять, как именно историки осваивали труды своих предшественников, каковы была внутренняя логика и конкретные механизмы формирования традиции историописания в рамках локальных культур.

Можно говорить по крайней мере о двух основных способах работы историков с трудами своих предшественников. В одном случае оригинальный текст сохранял доминирующее значение и с течением времени лишь до известной степени совершенствовался. В другом, напротив, бесцеремонно разбирался на части и служил своего рода строительным материалом для нового произведения.

Именно поэтому мы предложили к обсуждению следующие проблемы:

- Историческое произведение в ином культурном контексте. Появление любого исторического труда обусловлено его актуальностью для конкретной аудитории. Смена аудитории приводит либо к его забвению, либо к открытию в нем новой актуальности. Второе, как правило, получает наглядное воплощение в виде дополнений, исправлений или продолжений оригинального текста. Как именно и в чем конкретно они выражаются?

- Историческое произведение как элемент нового текста. Традиция историописания предполагает не только знание, но прежде всего использование накопленного ресурса, в частности, его включение в последующие труды по истории. В числе возможных вариантов такой работы – упоминание автора и/или названия произведения; прямое и косвенное цитирование; заимствование фактов, сюжета, понятий или авторской оценки событий для описания иной

исторической реальности.

Хранителем исторического знания выступает, прежде всего, исторический нарратив, воплощенный в конкретной форме – хроника, анналы, история, биография и т.д. Чтобы иметь возможность его читать (= использовать в качестве исторического источника), надо понять, какова логика его создания. В разных культурах и в различные периоды времени она не была той же самой. Организуя Круглый стол, мы имели в виду именно эту – локальную, - ретроспективу.

Для традиционных обществ, в целом, характерно слабое развитие внутренних коммуникаций и, как следствие, слабая степень интегрированности отдельных элементов в единый социальный организм. Убедительным примером тому служит длительное сосуществование на одном и том же цивилизационном пространстве локальных традиций в самых разных социо-культурных сферах, будь то право, политика, хозяйственная деятельность, или, например, архитектура, одежда, палеография. Историописание также не являлось исключением. Более того, именно исторические сочинения предельно наглядно фиксировали эту локальность и культурную обособленность.

На Круглом столе мы говорили, прежде всего, о Западной Европе эпохи Средневековья. Насколько единой была историческая культура Западной Европы на протяжении тысячи лет? Можно ли и нужно ли вообще говорить об этом единстве? Если – да, то с какого момента и в чем конкретно оно выражалось?

В средневековой Европе существовало несколько факторов, стимулировавших интеграционные процессы. К их числу относились христианство как форма религии и христианская церковь как институциональная форма этой религии; фактор империи и тесно связанная с ней идея *translatio*; фактор латинского языка, хотя и в значительно меньшей степени. В разные моменты времени актуальность обретали другие факторы – развитие торговли, становление национальных государств, крестовые походы, массовые паломничества, университеты и др. К началу Нового времени Европа выглядела значительно более однородной, чем за

тысячу лет до того. Справедливо ли это наблюдение в отношении историописания? Как убедительно показывают исследования, собранные в этой книге, на данный вопрос следует дать положительный ответ.

С другой стороны – и это не менее важно, – участники Круглого стола стремились показать, в каких формах существовало историописание в конкретное время и в конкретном месте. Очевидно, что историю писали по-разному. Что может нам дать знание этих различий для понимания более общей картины развития исторической мысли в Европе?

Наконец, нам хотелось понять, в чем заключаются сущностные отличия исторической культуры западноевропейского Средневековья от других культур, которые с ней соседствуют в территориальном и хронологическом отношении. Речь идет, с одной стороны, о средиземноморской Античности, с другой – о средневековой Руси. Вряд ли имеет смысл доказывать, что эти три соседствующие культуры были вполне самостоятельными по отношению друг к другу. Сравнительное изучение их особенностей в перспективе поможет лучше понять каждую из них.

Историки прошлого, как и их современные коллеги, работали с текстами своих предшественников – всегда, когда такого рода возможность им предоставлялась. Следы этой работы наиболее полно зафиксированы в их собственных сочинениях. Важно понять, как именно она строилась: что историкам было важно в других исторических произведениях, как они использовали это знание, в какой нарративный контекст его помещали, а что, напротив, оставляли без внимания. Изучая эту «техническую» сторону историописания, можно увидеть, как элементы одной исторической культуры становились частью другой, почему это происходило, а также по каким каналам шло это взаимопроникновение. В отношении нашей темы наиболее репрезентативным оказалось освоение европейскими историками античного наследия.

В ходе Круглого стола был обозначен ряд вопросов, заслуживающих дальнейшего изучения. В целом, участники

сошлись на том, что локальные исторические культуры представляют собой круг исторических знаний, определенным образом структурированных и распространенных в определенных хронологических и территориальных границах. Они находятся друг с другом в сложном взаимодействии – от полного отрицания до последовательного и целенаправленного освоения. Однако далеко не всегда понятно, как и почему это происходит.

В развитии европейских исторических культур огромную роль сыграло античное наследие. На протяжении многих столетий оно являлось своего рода зеркалом, в котором каждый раз видели новое отражение. Но конкретные механизмы осмысления современности через сравнение с минувшим исследованы лишь в первом приближении. Развитие и взаимодействие исторических культур в рамках европейской цивилизации не шло поступательно-эволюционным путем. Правильнее говорить о сложной динамике данного процесса с яркими взлетами, на смену которым приходили длительные периоды рецессии и даже регресса. Важно понять, почему отдельные части исторической традиции обретали актуальность в разные моменты времени в различных точках пространства, а также какую роль в историографическом дискурсе играет то или иное событие, человек или место.

Участники Круглого стола не раз обращали внимание на цитирование как на один из возможных вариантов локализации исторической традиции. Способ цитирования и содержание конкретной цитаты, зафиксированные в историческом произведении, в ряде случаев ясно указывают на определенные текстуальные сообщества, которые, собственно, являются носителями локальных традиций. Здесь мы выходим на более широкую и до настоящего времени лишь в общих чертах исследованную проблему коммуникации – людей и текстов, авторов и читателей. В дополнение к этому сюжету следуют два других, еще менее изученных: бытование исторического знания во внеисторических текстах и значение устной традиции в формировании локальных культур.

Круглый стол оказался замечательной площадкой, где мнениями по ряду актуальных вопросов обменялись представители очень разных групп нашего профессионального сообщества. Не секрет, что сегодня оно становится все более разобщенным. Мы перестаем слышать друг друга, а потому нам все сложнее вырабатывать некую единую платформу, на которой в дальнейшем можно было бы строить позитивный научный диалог⁷¹.

Завершая свой довольно краткий рассказ о пятилетней истории семинара «Люди и тексты» с абсолютной откровенностью и честностью признаюсь – он живет такой творческой и динамичной жизнью, ему удастся удерживать высокую профессиональную планку, только благодаря честной и заинтересованной работе, прежде всего, сотрудников Центра истории исторического знания ИВИ РАН – М.П. Айзенштат, М.Н. Машкина, С.Г. Мереминского, А.И. Сидорова; благодаря усилиям ученого секретаря семинара Т.В. Гимона и нашего «агента» в сети Интернет, системного администратора социальной сети историков «Всемирная история. Единое научно-образовательное пространство» К.И. Тасица, наших молодых коллег – И.М. Никольского и А.В. Шишова; благодаря активным постоянным участникам заседаний – З.Ю. Метлицкой, Г.В. Глазыриной, П.Ш. Габдрахманову. Мы всегда рады новым темам, которые выносят на обсуждения наши коллеги, работающие в самых разных местах (не берусь их даже все перечислить). И, по-видимому, мы будем приходить на эти семинарские встречи до тех пор, пока не пропадет редкое, замечу по нынешним временам, качество – любопытство к исследованиям друг друга.

Литература

Ankersmit F.R. The Use of Language in the Writing of History // Working with Language: A Multidisciplinary Consideration of Language Use in Work Contexts / ed. by Hywel Coleman. Berlin, 1989.
Approaches to History / Ed. H.P.R. Finberg. Toronto, 1962;

⁷¹ Сидоров А.И. Вместо предисловия // Локальные исторические культуры и традиции историописания. С. 5-10.

Barber B. Science and the Social Order. New York, 1952;
Barnes B. Scientific Knowledge and Sociological Theory. London; Boston, 1974;
Boman G. Das hebraische Denken im Vergleich mit den Griechischen. Göttingen, 1959.
Breysig K. Kulturgeschichte der Neuzeit. Berlin, 1900;
Burke P. The Renaissance Sense of the Past. New York, 1969;
Butterfield H. The Origins of Modern Science 1300 – 1800. London, 1957.
Butterfield H. The Whig Interpretation of History. London, 1951.
Certeau M., de. The Writing of History. New York, 1988
Charbonnel Ch.-O. Histoire et historiens: Une mutation ideologique des historiens français, 1865 – 1885. Toulouse, 1976.
Chartier R. Cultural History. Between Practices and Representations. Oxford, 1988;
Danto A.C. The Transfiguration of the Commonplace: A Philosophy of Art. Cambridge, 1983;
Desan Ph. Naissance de la méthode (Machiavel, La Ramée, Bodin, Montaigne, Descartes). P., 1987.
 English Historical Writing and Thought, 1580–1640. L., 1962
Ferguson W.K. The Renaissance in Historical Thought. Boston, 1948.
 Geschichtsschreibung: Epochen-Methoden-Gestalten. Hrsg. J. Sigmaringen, 1987.
Gilbert N.W. Renaissance Concepts of Method. New York, 1960;
Goodman N. Ways of Worldmaking. Hassocks, 1978.
 Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D. / Ed. G. Marasco. Leiden, 2003.
Grundmann H. Geschichtsschreibung im Mittelalter. Göttingen, 1965.
Guenée B. Histoire et culture historique dans l'occident Médiéval. P., 1980.
Huppert J. The Idea of Perfect History (Historical Erudition and Historical Philosophy in Renaissance France). Urbana; L., 1970.
Hutton P. H. History as an Art of Memory. Hanover; L., 1993.
Jacoby F. Über die Entwicklung der griechischen Historiographie und den Plan einer neuen Sammlung der griechischen Historikerfragmente // Klio. 1909. Bd 9.
Jilbert N.W. Renaissance Concepts of the Method. N. Y., 1960.
Joyce C. Was Hellanikos the First Chronicler in Athens? // History. 1999. № 3.
Kelley D. R. Foundation of Modern Historical Scholarship: Language, Law and History in French Renaissance. New York; London, 1970;
Kelley D. R. Faces of History: Historical Inquiry from Herodotus to Herder. New Haven, 1998.
Kelly W. Philosophy and Historical Understanding. Cambridge, 1964;
Koselleck R. Historia Magistra Vitae // Natur und Geschichte. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1967.
Lacroix B. L'historien au Moyen Âge. Montréal; P., 1971.

Meier Chr. Geschichte // Geschichtliche Greindbegriffe. Stuttgart, 1975. Bd. 2.

Michelet, Jules. Introduction à l'histoire universelle. P., 1831

Momigliano A. The Classical Foundation of Modern Historiography. Berkeley, 1990;

Monod G. Etudes critiques sur les sources de l'histoire mérovingienne. P., 1872.

Paul Oskar Kristeller, F. Edward Kranz eds. Catalogus translationum et commentariorum: Mediaeval and Renaissance Latin Translations and Commentaries. Washington: Catholic University of America Press, 1971.

Schmale F.-J. Funktion und Formen mittelalterlicher Geschichtsschreibung. Darmstadt, 1985.

Schmidt-Biggemann W. Topica universalis: eine Modellgeschichte humanistischer und barocker Wissenschaft. Hamburg: Meiner. 1983.

Schweiger F.L.A. Handbuch der classischen Bibliographie. 3 V. Leipzig, 1830 – 1834.

Simiand F. Recherches anciennes et nouvelles sur le mouvement general des prix du XVI a XIX siecle. Paris, 1932;

Smith P. The Place of History among the Sciences // Essays in Intellectual History: Dedicated to James Harvey Robinson by His Former Students. N. Y., 1929.

Strasburger H. Die Wesenbestimmung der Geschichte durch die antike Geschichtsschreibung. Wiesbaden, 1975.

Toye D.L. Dionysius of Halicarnassus on the First Greek Historians // The American Journal of Philology. 1995. Vol. 116. P. 279–302.

White M. Foundations of Historical Knowledge. New York; London, 1965;

Woolf D. A High Road to the Archives? Rewriting the History of Early Modern English Historical Culture // Storia della Storiografia. 1997. № 32;

Woodman A.J., Moxon I.S., Smart J.D. Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing. Cambridge, 1986.

Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture, 1500–1730. *Butterfield H.* The Present State of Historical Scholarship, Inaugural Lecture, University of Cambridge. Cambridge, 1965;

Idem. The Origins of History. London, 1981; *Idem.* Man on his Past. The Study of the History of Historical Scholarship. Cambridge, 1955; *Idem.* The Englishman and his History. Cambridge, 1944 (2nd ed. – 1970).

Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 2000;

Артоз Ф. Время и история // Анналы на рубеже веков: антология. М., 2002. С. 147–168;

Барз М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.

Брагина Л.М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения / Идеалы и практика культуры. М., 2002;

Вейнберг И.П. Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тыс. до н. э. М., 1993. – 352 С.

Визгин В.П. Герметизм, эксперимент, чудо: три аспекта генезиса науки Нового времени // *Философско-религиозные истоки науки.* М., 1997. С. 88–141;

Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.

Гулыга А. В. Гердер. М., 1975;

Девятайкина Н.И. Латинский нарратив трактата Петрарки: источники, способы организации текста, авторское «я» // *Петрарка Фр.* Диалоги на гендерные и эстетические темы (Трактат «О средствах против превратностей судьбы». Кн. 1). Саратов, 2008;

Дорони А.В. Историк и его миф: Иоганн Авентин (1477 – 1534). М., 2007. *Зверева В.В.* «Новое солнце на Западе»: Беда Достопочтенный и его время. М., 2008

Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // *Философия и методология истории* / отв. ред. *И.С. Кон.* М., 1977. С. 37–71;

Дройзен И.Г. Историка. М., 2004.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

Комментарий исторического источника: исследования и опыты / Отв. ред. *М.С. Бобкова.* М.: ИВИ РАН, 2008. 295 С. (с приложением CD-ROM'a «Комментарий исторического источника: доклады и дискуссии»).

Косминский Е.А. Историография средних веков V в. – сер. XIX в. М., 1963, *Вайнштейн О.Л.* Западноевропейская средневековая историография. М., 1964.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996;

Мейнке Ф. Возникновение историзма / Пер. с нем. М., 2004. С. 153.

Мереминский С.Г. Понятие «историописание», его содержание и границы // *Терминология исторической науки. Историописание.* С. 14–28.

Немировский А.И. Рождение Клио: У истоков исторической мысли. 2-е изд. Воронеж, 1986.

Про, Антуан. Двенадцать уроков по истории / Антуан Про; [Пер. с фр. Ю. В. Ткаченко]. М. 2000

Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004;

Семенов Ю.И. Философия истории. М., 2003.

Сидоров А.И. Вместо предисловия // *Локальные исторические культуры и традиции историописания.* С. 5–10.

Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – 1-й половины XIX вв. М., 1991.

Терминология исторической науки. Историописание / Сб. науч. статей. Отв. ред. *М.С. Бобкова, С.Г. Мереминский.* М.: ИВИ РАН, 2010, 338 С.

Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989;

Финн В.К. Интеллектуальные системы и общества. М., 2001.

Хобсбаум Э. От социальной истории к истории общества // *Философия и методология истории: Сб. переводов / отв. ред. И.С. Кон.* М., 1977 и др.

Цель истории – история / отв. ред. *Н.И. Басовская.* М., 2002;

Шартье Р. Письменная культура и общество. М., 2006.